

*Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!*

О. Пятницкий

О современном положении в Германии

Партиздат 1933

*Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!*

О. Пятницкий

О современном положении в Германии

ПАРТИЙНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1933

Редактор *К. Панков*
Техредактор *А. Илюшина*
Сдано в производство 2/VI—33 г.
Подписано в печать 13/VI—33 г.
Уполн. Главлита Б — 31640
Партиздат № 401
Формат 82×111/32, 4 п. л.
39 000 зн. в п. л. Тираж 100 000. Зак. 6915

Фабрика книги «Красный пролетарий» издательства ЦК ВКП(б)
Партиздата. Москва, Краснопролетарская, 16.

ОТ АВТОРА

Брошюра «О современном положении в Германии» в своей основе представляет мой доклад на эту тему, сделанный 11 апреля с. г. на общем собрании слушателей Ленинской школы.

Однако быстрый рост событий в Германии дал много новых материалов как о фашистском терроре против рабочих организаций, так и о развертывающейся борьбе рабочего класса Германии под руководством КПГ и о героической работе самой компартии. На основании этих материалов стенограмма доклада была соответствующим образом дополнена.

Москва, 2 июля, 1933 г.

1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Какие тяготы Версальский «мирный» договор наложил на Германию?

Начну с исторической справки, которая поможет понять развитие событий в современной Германии.

После империалистической войны Франция отняла у Германии Эльзас-Лотарингию (железная руда) и Саарский угольный бассейн. Эльзас-Лотарингия отнята «навсегда», а Саарский бассейн—на 15 лет, после этого срока населению будто бы будет предоставлена возможность решить референдумом—хочет ли оно остаться у Германии или перейти к Франции. Пока французы забрали саарские угольные копи в обеспечение того, что будут выполняться условия Версальского договора, что Германия будет платить репарации. Этот уголь очень кстати пришелся Франции, так как она в Эльзас-Лотарингии захватила железную руду.

Часть германской территории с выходом к морю была превращена в «польский коридор», который отрезает теперь часть Восточной Пруссии от остальной страны. Когда немец из Берлина едет в Кенигсберг, он должен проехать территорию, принадлежащую теперь Польше. Он должен проехать эту польскую территорию либо в запертых вагонах, либо иметь польскую визу. Это очень раздражает немцев.

Так как Польша не имела выхода к морю, то ей было разрешено строить военную гавань (порт Гдыня) около германского города Данцига, который был превращен в «вольный город». Поляки стали распоряжаться в Данциге, как у себя дома. К Польше перешла также часть Верхней Силезии (уголь и железо). Литве передан портовый город Мемель, хотя в Мемеле большинство жителей—немцы. За счет Германии были выравнены границы Бельгии; Дании, на основании Версальского договора, был передан Северный Шлезвиг.

Победители отняли у Германии и поделили между собой ее колонии. Одновременно германский капитал был вытеснен

из захваченных им до войны сфер влияния. Борьбу за внешние рынки сбыта Германии приходилось вести в условиях гораздо более тяжелых, чем ее конкурентам.

Версальский договор запрещает Германии иметь армию и флот, разрешая иметь только 100 тыс. солдат рейхсвера и несколько военных судов. Старый военный и воздушный флот был частью уничтожен, частью конфискован. Версальский договор наложил на Германию репарацию в сумме 132 млрд. золотых франков. Когда до очевидности стало ясно, что Германия фактически неспособна делать полагавшиеся по договору взносы, победители в своих собственных интересах, еще до наступления экономического кризиса, дважды понижали репарационные платежи (план Дауэса, а затем план Юнга). Но и по плану Юнга Германия должна была платить ежегодно в течение 59 лет 1 900 млн. марок. Германские официальные круги заявляют, что Германия уплатила по Версальскому договору 67 млрд. золотых марок деньгами, натурой и конфискованным имуществом.

Когда Германия в первые годы не уплатила возложенной на нее контрибуции, французы, англичане и бельгийцы, осуществляя «санкции», предоставленные им Версальским договором, заняли угольный Рурский бассейн и Рейнскую область. Германия должна была еще платить за содержание тех войск, которые оккупировали эти области.

Чтобы платить по репарациям и внешним долгам, Германия должна была форсировать свой экспорт за границу. Еще до наступления мирового экономического кризиса Германия могла форсировать свой экспорт лишь усилением эксплуатации рабочего класса и более низкой, чем в основных капиталистических странах, заработной платой. Неудивительно, что мировой экономический кризис обрушился на Германию с большей силой, чем на Францию и другие страны-победительницы.

Я привел эту справку для того, чтобы показать, почему в Германии стал с исключительной силой развиваться шовинизм среди широких масс населения. Версальская система, выжимающая все соки из Германии, положила начало возникновению и росту германского фашизма.

Роль социал-демократической партии в удушении революции 1918—1919 гг.

Приведу еще одну справку, объясняющую стремительный распад в современной Германии старых буржуазных и социал-демократической партий при одновременном росте крайних

флангов—национал-социалистов, с одной стороны, и коммунистов—с другой.

После поражения в войне 1914—1918 гг. в Германии началась пролетарская революция. Под влиянием Октябрьской революции в России стихийно стали возникать советы рабочих, солдатских и матросских депутатов в Германии. Социал-демократии удалось захватить руководство революцией и предать ее. Германская коммунистическая партия еще не успела сложиться—была только небольшая группа «Спартак», которая боролась во время войны, но не была связана с массами и страдала рядом крупных недостатков. Только после начала революции, в конце декабря 1918 г., состоялся съезд, на котором была организована компартия Германии.

Захватив руководство революцией в свои руки, социал-демократическая партия в сговоре с буржуазией повела беспощадную борьбу с коммунистами и революционными рабочими, которые стояли за свержение буржуазии и за установление советской власти в Германии. Социал-демократия организовала кровавый разгром революции и расстреляла тысячи революционных рабочих и их вождей—Либкнехта и Розу Люксембург. Вместо укрепления власти советов она провела на съезде советов решение о созыве учредительного собрания. Социал-демократическая партия не стремилась даже к установлению республики. Республика была ею провозглашена под нажимом революционных масс, которые поддерживали лозунг спартаковцев о создании советской республики.

Рабочие под влиянием Октябрьской революции заставили правительство провести законы о 8-часовом рабочем дне, о всех видах социального страхования без взносов со стороны рабочих, об организации фабзавкомов, без согласия которых увольнение рабочих не может состояться, об обязательном заключении предпринимателями колдоговоров с профсоюзами, о конституционных свободах и т. д.

Веймарская коалиция довела трудящихся Германии до полного обнищания

На выборах в учредительное собрание социал-демократия, будучи сильнейшей партией, большинства все же не получила. Во главе республики стало большинство из социал-демократов, католического центра и демократов под названием «веймарская коалиция (конституцию Германской республики, принятую в городе Веймаре, называют «Веймарской»).

В этой коалиции социал-демократическая партия уживалась

не только с буржуазией, но и с юнкерством и даже князьями. Она поддерживала выплату ежегодной ренты дому Гогенцоллернов, бежавших в начале революции из Германии.

До начала 1932 г. в Германии существовали коалиционные правительства, состоящие из этих трех партий в различных комбинациях. Даже в 1930 г., когда социал-демократическая партия была вышиблена из правительства и был создан кабинет Брюнинга, социал-демократическая партия все же осталась у власти в Пруссии. Социал-демократы поддерживали католический центр в рейхстаге, а католический центр поддерживал социал-демократию в прусском ландтаге.

Экономический кризис ухудшил положение буржуазного хозяйства, и буржуазия и ее правительство все более увеличивали наступление на жизненный уровень трудящихся. Постепенно веймарская коалиция отняла все политические права трудящихся, парламент был фактически отстранен от решения важнейших вопросов, стачки жестоко преследовались, коммунистические газеты закрывались, организации революционных рабочих (союз красных фронтовиков, союз безбожников и т. д.) распускались, собрания разгонялись, революционные демонстрации расстреливались. Правительство стало открыто править посредством чрезвычайных декретов и чрезвычайных судов. Были введены взносы от рабочих в фонд социального страхования. По мере увеличения числа безработных уменьшался размер выдаваемых пособий. Молодежь и женщины были исключены из списков получающих пособия. Ухудшилось страхование по инвалидности и по болезни. Непрерывно снижались зарплата и общий жизненный уровень рабочего класса, особенно если учесть растущее число безработных по отдельным профессиям.

Заработок в неделю (в германских марках)

	Сентябрь 1931 г.	Январь 1932 г.	Октябрь 1932 г.
Металлисты	25,70	20,05	18,20
Химики	29,45	22,65	22,45
Текстильщики	18,70	16,15	15,60
Строители	22,45	13,85	12,05
Печатники	33,35	27,25	25,40

Средний недельный заработок германского рабочего в 1929 г. был 42,2 марки, в 1932 г.—21,06 марок, а официальный недельный прожиточный минимум составлял в 1932 г. 38,4 марки.

В I квартале 1933 г. по данным Берлинского конъюнктурного института общая сумма зарплаты рабочим и жалованья служащим упала на 6% по сравнению с IV кварталом 1932 г. Зарплата сокращалась, а между тем производительность и интенсивность труда поднимались. Если 1913 г. взять за 100, то в 1928 г. производительность труда была 113, в 1929 г.—120, в 1930 г.—121 и в 1931 г.—127.

В январе 1932 г. правительство чрезвычайным законом провело огульное снижение зарплаты рабочим, жалованья служащим и пособий безработным на 10%. За последние два года кризиса снизилось также жалование госслужащих.

В 1929 г. по данным Конъюнктурного института предприниматели выплатили жалованья рабочим и служащим 47,5 млрд. марок, а в 1932 г.—только 25,7 млрд., т. е. на 42,4% ниже.

Аграрный кризис вызвал особенно сильное снижение цен на продукты сельского хозяйства. Если мы возьмем 1913 г. за 100, то на все сельскохозяйственные продукты цены были в 1928 г. 132,5, в январе 1933 г.—лишь 80,75, т. е. на 41,85% ниже, чем в 1928 г. От этого падения цен больше всего конечно пострадало бедняцко-средняцкое крестьянство.

Сельское хозяйство выручило от продажи важнейших сельскохозяйственных продуктов в 1928/29 сельскохозяйственном году несколько больше 10 млрд. марок, в 1931/32 г.—несколько больше 7 млрд. марок.

Мелкая буржуазия таким образом тоже страдала от Версаля, мирового экономического кризиса и политики веймарской коалиции, которая стояла у власти.

Правительство Брюнинга подарило восточно-пруссским помещикам 2 млрд. марок в форме дотации. Оно взяло на себя покрытие дефицита банков. Оно давало субсидии капиталистам, дало им дешёвые кредиты и в разных формах освобождало буржуазию от налогов.

Всего этого было мало буржуазии, чтобы облегчить для себя тяготы кризиса за счет трудящихся, и она требовала все большего нажима на рабочих и крестьян, все больших льгот для себя.

Социал-демократическая партия и католический центр, опираясь на рабочих, среди которых компартия Германии приобретала все большее влияние, не могли удовлетворять все более растущим требованиям буржуазии. Тогда буржуазия прогнала своих лакеев, тем более что веймарская коалиция уже потеряла свое влияние на широкие массы.

Партии веймарской коалиции получили в 1919 г. на вы-

борах в учредительное собрание 23 406 тыс. голосов. Независимая рабочая партия, которая тоже голосовала за Версальский договор, получила 2 317 тыс. голосов. Таким образом веймарская коалиция плюс Независимая рабочая партия получили 25 723 тыс. голосов из 30,4 млн., голосовавших в учредительное собрание.

Партии, которые были против Версальского договора и против Веймарской конституции, получили 4 667 тыс. голосов. Компартия Германии в выборах в учредительное собрание не принимала участия.

Эти две группы буржуазных партий—веймарцев и антивеймарцев—получили в ноябре 1932 г.: первая—13 314 тыс., а вторая—15 357 тыс. голосов. Компартия, которая вела борьбу против единого социал-демократически-буржуазного фронта и веймарской коалиции, получила на выборах в ноябре 1932 г. 5 980 тыс. голосов. Таким образом в 1932 г. за веймарскую коалицию было подано 13 314 тыс., а против нее—21 337 тыс. голосов. Веймарцы потеряли 12 409 тыс., а антивеймарцы выиграли 16 670 тыс. голосов. Одна из трех партий, составлявших веймарскую коалицию, демократическая партия, получившая на выборах в учредительное собрание 5 млн. голосов, на выборах в ноябре 1932 г. получила только 350 тыс. голосов!

Вот как быстро шло разоблачение в глазах масс политики веймарской коалиции, во главе которой стояла социал-демократия.

II СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ ПРОЛОЖИЛА ДОРОГУ ФАШИЗМУ

Фашистская демагогия и волна шовинизма

Обнищание и отчаяние масс в результате невыносимых тягот версальской системы и мирового экономического кризиса и проводившаяся веймарской коалицией политика наступления на всех трудящихся дали национал-социалистам возможность распространять свое влияние на широкие массы. Они разжигали невероятный шовинизм в массах. Все плохое, заявляли они, является результатом не капиталистической системы, а Версальского договора. Они развили колоссальную демагогию. С исключительным цинизмом они меняли свои лозунги в зависимости от собраний, на которых выступали. Рабочим они обещали увеличение зарплаты, безработным—полное пособие или работу; мелкой буржуазии они обещали,

что экспроприируют банки и ликвидируют крупную торговлю; сельскохозяйственным рабочим и малоземельным крестьянам—что те получат землю. И уже конечно буржуазии и помещикам они брались обеспечить максимально дешевую рабочую силу, субсидии, льготы, запретительные таможенные тарифы, высокие цены на сельскохозяйственные продукты и т. д., причем эти обещания давались не на открытых собраниях и не с целью обмана, а в закулисных переговорах с представителями банкиров, трестов и юнкерства с целью их действительного проведения.

Когда лопнул первый крупный банк, Данатбанк, и на улицах образовались колоссальные очереди мелких вкладчиков, атаковавших кассы этого банка с требованием выдачи денег, то—надо признать это—национал-социалисты были первыми, которые начали агитировать в этих очередях. Они стремились представить дело так, будто крах банка вызван исключительно происками иностранных капиталистов, забравших свои вклады, в то время, когда в истребовании вкладов участвовало также большое число немецких капиталистов. Работы нашей партии (не говоря уже о социал-демократии) в этих очередях не было. Компартия Германии реагировала на эти события только спустя несколько дней, хотя на предприятиях банковский крах вызвал большое беспокойство, так как рабочие опасались, что им не выплатят зарплату.

Националисты вместе с национал-социалистами в 1928 г. объявили, что хотят добиться референдумом отмены плана Юнга. Чтобы заставить правительство объявить референдум, необходимо было предварительно собрать 5,5 млн. подписей. Все остальные буржуазные партии, включая социал-демократическую, высмеивали национал-социалистов, уверяя, что никто не возьмет их обращения всерьез. Но и наша партия совершенно не поняла положения и заявила: «Мы запишем каждого, кто даст свою подпись этим фашистам». «Роте Фане» дала особенно вредный в создавшейся обстановке лозунг: «Бейте фашистов, где бы вы их ни встретили». Что же вышло в действительности? Националисты и национал-социалисты собрали и даже раньше срока 6 млн. подписей.

Наша партия не оценила этого движения. Раз «Роте Фане» дала лозунг «бейте фашистов, где бы вы их не встретили», то массы, которые были за отмену плана Юнга, могли думать, что наша партия стоит за план Юнга. Компартия Германии этого не учла—в этом заключалась серьезная ошибка.

Даже теперь кое-где можно слышать такие заявления: если

бы этот лозунг не был бы снят в свое время, а члены партии действительно избивали бы тогда фашистов, то теперь не оказались бы фашисты у власти. (Кстати, мелких драк с фашистами и после снятия этого лозунга было достаточно.) Эти заявления совершенно неправильны. Ошибка заключалась в том, что «Роте Фане» дала этот лозунг, и в том, что компартия Германии вообще недооценила движения мелкобуржуазных масс против Версальского договора. Этим мы дали национал-социалистам возможность укрепиться среди мелкой буржуазии, которая поверила, что они действительно намерены бороться за уничтожение плана Юнга и версальской системы. Между тем, когда наша партия вносила в парламент предложение об уничтожении плана Юнга, национал-социалисты либо убегали из зала заседания, либо держивались от голосования.

В целях обойти Версальский договор в части, запрещающей Германии вооружаться, правительство, во главе которого стояли социал-демократы, поощряло создание полувоенных организаций. Так была создана организация «Республиканского флага», главным образом из социал-демократов; «Стальной шлем»—из националистов, штурмовики—из национал-социалистов, «Баварская оборона»—из католического центра. При таком обилии полувоенных организаций буржуазия в начале не решалась запретить организованный компартией Союз красных фронтовиков. Но как только этот союз начал широко работать в массах и бороться с фашистами, он был насильственно распущен. Он был запрещен не кем иным, как социал-демократическим министром Зеверингом.

В результате национал-социалисты получили возможность совершенно легально строить свои штурмовые отряды, которые к тому же получили немало оружия из государственных складов.

Фашисты получали щедрую финансовую помощь от своей буржуазии. Им даже отдельные угольные бароны выдавали определенный процент за добываемый уголь. Они финансировались Детердингом и другими заграничными финансовыми магнатами. Теперь фашисты оплачивают непосредственно Детердингу тем, что громят советские склады нефти.

Фашисты собрали вокруг себя способных людей из мелкой буржуазии и развили массовую агитацию с громадным размахом, поставленную гораздо лучше, чем агитация компартии. От фашистской агитации некуда было укрыться: на работе или дома, везде и всюду эта агитация преследовала тебя. Везде приходилось слушать их речи, всюду достав-

лялась их литература. Они очень умело агитировали, используя все ошибки социал-демократии, все ошибки других партий, в том числе и наши ошибки. Они подкупали подачками отдельные слои безработных, а тех из них, которые соглашались вступать в ряды штурмовиков, они брали в свои казармы, выдавали сапоги, подкармливали и т. д. Они устраивали дешевые столовые для сочувствующих им безработных. Они имели настолько крупную финансовую помощь от буржуазии, что могли все это устроить, получая таким образом возможность проникнуть даже в среду непромышленного пролетариата и безработных.

Что влияние фашистов росло вместе с недовольством широких масс, подтверждается следующими цифрами. Впервые они выставили свои кандидатуры в рейхстаг в мае 1924 г., во время инфляции, общехозяйственной разрухи и недовольства широких масс населения. Они тогда получили 1 918 тыс. голосов. В декабре того же 1924 г., когда уже наметилось начало частичной стабилизации (прежде всего стабилизация валюты), национал-социалисты сразу потеряли 1 011 тыс. голосов. Но одновременно понизилось и влияние компартии на массы. В мае 1924 г. компартия Германии получила 3 693 тыс. голосов, а в декабре того же года она потеряла из них 974 тыс. голосов. Наоборот, социал-демократическая партия получила в мае 1924 г. 6 млн. голосов, а в декабре 1924 г., когда уже наметились элементы частичной стабилизации, — 7 881 тыс. голосов.

Когда национал-социалисты впервые появились на политической арене в мае 1924 г., они получили 1 918 тыс. голосов, а в июле 1932 г. они уже получили 13 732 тыс. голосов.

Они использовали громадное недовольство масс, главным образом мелкой буржуазии, чтобы стать у власти.

Источники влияния социал-демократической партии

Часто приходится слышать от членов нашей партии вопрос: как объяснить, что социал-демократическая партия Германии, несмотря на все свои предательства, имеет еще такое влияние на рабочие массы. Почему она еще сохраняет это влияние? Ответ на этот вопрос в основном определяется тем, что социал-демократическая партия до войны была единственной массовой пролетарской партией. Она выступала тогда за реформы в области социального законодательства и расширения политических прав про-

летарната. Перед войной в 1914 г. она имела 90 газет с тиражем в 1 288 092 экземпляра и 1 085 905 членов; на выборах в рейхстаг в 1912 г., когда женщины и солдаты не имели избирательных прав, она получила 4 236 тыс. голосов. (Все буржуазные партии вместе получили тогда 12 188 тыс. голосов.) Она руководила массовыми профсоюзами (рабочие профсоюзы имели перед войной 2,5 млн. членов), массовой рабочей кооперацией, массовыми спортивными и культурными организациями пролетариата.

Социал-демократическая партия до войны имела огромный авторитет среди рабочего класса. Она использовала этот авторитет, чтобы во время войны поддерживать германский империализм, гнать рабочих на фронт и срывать стачки. После войны она спасла буржуазию, разгромив революцию. Но широкие рабочие массы, я говорю не об авангарде, не видели этого потому, что наряду с расстрелами революционных рабочих, социал-демократия под давлением революционных масс, находившихся под влиянием Октябрьской революции в России, провела социальное законодательство, которое по сравнению с довоенным временем облегчило в первые послевоенные годы положение рабочего класса.

Широчайшие рабочие массы думали, что не революция, не революционный авангард заставили социал-демократию провести это законодательство, а что сама социал-демократия дала эти реформы пролетариату. Поэтому широкие рабочие массы вначале крепко держались за социал-демократию, не поняв, как она предала их и во время войны и во время революции.

Массовыми профсоюзами, кооперативами, спортивными организациями, союзом «Республиканский флаг», «Железный фронт» с миллионным членством—в противовес революционному фронту пролетарской борьбы—социал-демократическая партия опутала рабочий класс Германии. В государственном, коммунальном, профсоюзном, партийном, кооперативном аппаратах, в судах по трудовым делам, в страхкассах, в фабзавкоммах, в рейхстаге, ландтагах, муниципалитетах и т. д. социал-демократическая партия имела до 400 тыс. своих членов, которые очень хорошо оплачивались и, выйдя из рабочей среды, сохранили связь с широкими рабочими массами. К ним нужно прибавить еще членов социал-демократической партии, многочисленных содержателей небольших ресторанчиков, в которых рабочие проводили большинство своего свободного времени. Через тех и других социал-демократическая партия влияла на широкие рабочие массы.

Социал-демократические профсоюзы были чрезвычайно централизованы. Верхушка решала вопрос о стачках. Если верхушка была против забастовки, то она не разрешала выдавать стачечникам пособия. Между тем германский рабочий на протяжении 50 лет привык получать пособие во время стачки. По закону о фабзавкомках увольнения на фабриках могут производиться только с согласия фабзавкомов; пользуясь этим, реформистские фабзавкомы¹ давали согласие на увольнение в первую очередь неорганизованных рабочих и противились увольнениям организованных (за исключением разумеется коммунистов и членов революционной профсоюзной оппозиции—тех сами социал-демократы вносили в списки увольняемых). Этим самым они создали на фабриках и заводах крепкое ядро из членов профсоюзов, которое поддерживало профбюрократов, не допуская забастовок и мешая борьбе, когда профопозиция или компартия призывала к ней.

Профсоюзы стали выдавать пособия своим членам во время безработицы и ввели пособия по болезни и инвалидности. Фонд для этих выдач составлялся главным образом из взносов членов профсоюзов, но он имел большое значение в том отношении, что удерживал рабочих от выхода из профсоюзов, хотя те в большинстве случаев не защищали их интересов. Из бюджета профсоюзов в 1930 г. было выдано на разные пособия 123,5 млн. марок, в том числе 77,7 млн. безработным как дополнение к тому, что они получали от государственного страхования.

В этот период социал-демократическая партия и профбюрократы умели очень ловко маневрировать по отношению к рабочим. Они заявляли, что готовы бороться против снижения зарплаты, против чрезвычайных декретов. На деле они проводили снижение зарплаты и поддерживали чрезвычайные декреты. В своей прессе они доходили до того, что обвиняли компартию в том, будто та не борется против фашистов, будто только они одни, социал-демократы, ведут эту борьбу. Они разрабатывали законопроекты о предоставлении безработным работы, указывая подробно, откуда и как можно получить для этого средства, и очень широко рекламировали эти планы на собраниях и в прессе. Некоторые такие проекты они даже вносили в парламент, но предварительно сами предлагали распустить парламент на неопределенное

¹ В 1930 г. в предприятиях с числом 5,9 млн. работающих реформистские профсоюзы имели 135 689 членов фабзавкомов — 89,9% всех членов фабзавкомов.

время, чтобы таким образом избежать рассмотрения своих собственных законопроектов. Рабочим же они заявляли, что социал-демократы не могут добиться проведения своих законопроектов, потому что парламент откладывает их рассмотрение на неопределенное время. Так социал-демократы выработывали радикальные законопроекты, чтобы замаскировать свое предательство. Так они обманывали рабочие массы.

Маневрировала против рабочих также и верхушка профсоюзов. Очень часто профбюрократы за спиной рабочих заключали соглашения с предпринимателями насчет снижения зарплаты. Потом начиналась следующая игра: предприниматель выступал с заявлением о снижении зарплаты, скажем на 12%, в то время как согласно уже состоявшемуся сговору с профбюрократами это снижение и не предполагалось столь значительным. Затем они вступали для виду в «борьбу» с предпринимателями и «добивались снижения» только на 8%. И вот этот результат, т. е. снижение зарплаты на 8%, объявлялся в прессе, на собраниях членов профсоюзов и т. д., везде и всюду победой профсоюзов, так как им будто бы удалось отстоять 4% зарплаты. Прodelьывали это профбюрократы с большим шумом и треском. Компартия Германии и революционная профопозиция (РПО) к сожалению не всегда умели своевременно разоблачать эти махинации.

Участие социал-демократической партии в наступлении буржуазии против рабочих

В период частичной стабилизации обман масс социал-демократией облегчался тем, что вследствие временного хозяйственного подъема на основе частичной стабилизации, в особенности же исключительно быстрого роста производительности и интенсивности труда на основе капиталистической рационализации, усиление эксплуатации рабочего класса носило преимущественно скрытый характер. Ухудшение положения рабочего класса и постепенное отнятие у него послевоенных завоеваний шло все время и при веймарской коалиции, но в иных темпах и в иных формах, чем в период кризиса. Эксплуатация росла не столько вследствие прямого сокращения номинальной заработной платы, сколько вследствие очень быстрого роста интенсификации труда и уплотнения рабочего времени, что давало возможность буржуазным и социал-демократическим экономистам игрой в статистические «бирюльки» скрывать действительное положение от ра-

бочих. Пользуясь этим, социал-демократы могли сеять иллюзии среди рабочих, будто их материальное положение находится в прямой зависимости от увеличения конкурентоспособности германской промышленности на мировом рынке. При этом они ссылались на пример САСШ, которые будто бы открыли «секрет высокой заработной платы» на основе рационализации труда. Социал-демократы создали теорию о «хозяйственной демократии», которая в сочетании с «уже имеющейся политической демократией» якобы открывает на основе сотрудничества с буржуазией безболезненный путь для «мирного вступления в социализм».

Экономический кризис разбил все эти лживые теории. Рост эксплуатации рабочего класса не только непрерывно увеличивается, но он принимает и все более открытый и явный характер, выражаясь во все большем снижении и номинальной и реальной зарплаты, в исключительном росте безработицы, обрекая рабочий класс на голод и вымирание. Продолжая служить буржуазии и в период кризиса, социал-демократия более открыто участвует в беспощадном наступлении на жизненный уровень рабочих во всех формах беспощадного снижения зарплаты, ликвидации социального страхования. Она не только молча поддерживает мероприятия правительства Брюнинга по снижению зарплаты и пособий по безработице, но и агитирует за них. Так в январе 1932 г., когда законом была снижена зарплата, жалованье и пособие на 10%, социал-демократия выступала за этот закон. Она обещала рабочим, что в случае проведения этого закона цены на предметы и продукты первой необходимости тоже упадут на 10%. Недавно она должна была признать, что ее предсказания не оправдались, добавляя, что цены на потребляемые массами предметы и продукты первой необходимости снизились только на 4%. Но и это неверно, цены на некоторые продукты первой необходимости даже поднялись. Однако своей ложью относительно будущего снижения цен социал-демократии удалось предотвратить борьбу со стороны рабочего класса против снижения зарплаты.

На последних президентских выборах компартия Германии выставила лозунг: «Кто голосует за Гинденбурга, голосует за Гитлера». В противовес этому социал-демократы говорили рабочим: «Кто голосует за Тельмана, тот голосует за Гитлера». Это факт, что именно социал-демократии удалось добиться избрания Гинденбурга громадным большинством, что немалая часть рабочего класса и в этом вопросе пошла за ней. Теперь рабочие могут проверить правильность нашего ло-

зунга на основании своего тяжелого опыта: случилось то, против чего мы предостерегали. Компартия Германии к сожалеению не сумела во время выборной кампании найти правильный подход к широким массам и убедить их в верности нашего лозунга.

Несмотря на все предательства социал-демократии и на все разоблачение этих предательств со стороны компартии Германии, социал-демократическая партия продолжала еще вести за собой большинство рабочего класса. Это надо признать совершенно открыто. Это не значит конечно, что социал-демократическая партия не теряла влияния на рабочий класс. О потере этого влияния можно судить хотя бы по тем изменениям в числе голосов на парламентских выборах за последние 13 лет, полученных социал-демократией и компартией. В 1919 г., как уже было указано, социал-демократическая партия совместно с Независимой рабочей партией получила 13 826 тыс. голосов, а в ноябре 1932 г.—лишь 7 237 тыс. голосов. Потеряли также и реформистские профсоюзы: они имели после войны 9 млн. членов, а до фашистского переворота едва ли 4 млн., включая служащих. Но все же социал-демократии удалось помешать компартии организовать действительное сопротивление в момент прихода к власти Гитлера.

III. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМПАРТИИ ГЕРМАНИИ ДО УХОДА В ПОДПОЛЬЕ

Рост влияния партии и основные слабости в работе

Компартия, как известно, была организована в конце 1918 г. На первом ее съезде была совершена крупная ошибка, которая сильно сказалась на дальнейшем развитии партии. На первом съезде партия высказалась против участия на выборах в парламент и против работы в реформистских профсоюзах. Хотя это решение было отменено следующим съездом, но, несмотря на все решения как Коминтерна, так и компартии Германии, фактически не удалось перевести всех членов партии в реформистские профсоюзы. Профсоюзов в масштабе всей Германии, организованных компартией Германии, не было и нет до сих пор, а те коммунисты, которые даже состояли членами реформистских профсоюзов, не вели в большинстве случаев энергичной и хорошей работы внутри этих профсоюзов. Это привело к тому, что реформисты могли

во вред рабочему классу проводить политику «меньшего зла» без сопротивления, без борьбы со стороны коммунистов внутри профсоюзов. Это обусловило недостаточность массовой работы компартии Германии, хотя-ее влияние на рабочий класс безусловно все увеличивалось, в особенности за последние годы.

Если мы возьмем выборы в германский рейхстаг,—а у нас лучшего измерителя нет,—и сравним число голосов, поданных за компартию Германии в 1920 г. и в ноябре 1932 г., то увидим, что влияние компартии Германии на рабочий класс чрезвычайно выросло. В 1920 г. компартия Германии получила всего 590 тыс. голосов, а в ноябре 1932 г. 5 980 тыс. голосов, причем эти голоса безусловно принадлежали рабочим.

Но в профсоюзах, т. е. именно там, где главным образом решался вопрос о борьбе против наступления буржуазии на жизненный уровень рабочего класса, там мы были слабы, там реформисты могли проводить свою предательскую политику. Это надо сказать совершенно открыто. Все попытки создать параллельные профсоюзы в 1923 г. даже тогда, когда рабочие массами выходили из реформистских профсоюзов, ни к чему не привели, так как широкие рабочие массы в эти профсоюзы не шли. Но без участия коммунистов в массовых организациях, в особенности в профсоюзах, компартия Германии не могла ни завоевать под свое влияние большинство рабочего класса, ни тем более организационно закрепить это влияние. Это показали события 1923 г.

Чтобы расширить и укрепить влияние партии внутри реформистских профсоюзов, была создана профоппозиция, перед которой стояли следующие задачи:

1. Самостоятельная организация и ведение забастовок, исходя из того, что реформисты препятствовали организации забастовочной борьбы. В тех же случаях, когда под давлением масс реформисты объявляли забастовки и становились во главе их, они либо (в большинстве случаев) доводили их до поражения, либо оканчивали их компромиссом за спиной и за счет рабочих.

2. Усиление работы в реформистских профсоюзах, добиваясь, чтобы туда проникли все члены компартии Германии и революционные рабочие. Укрепившись внутри реформистских профсоюзов, наши товарищи должны мобилизовать их членов на поддержку борьбы профоппозиции, куда входили и неорганизованные рабочие, против наступления капитала.

3. Организация аппарата, параллельно реформистским

профсоюзам с тем, чтоб в момент широкой волны недовольства масс организации профопозиции могли обрести и превратиться в самостоятельные профсоюзы.

Чтобы облегчить профопозиции расширение своих организаций за счет неорганизованных рабочих, V конгресс Профинтерна постановил снять для Германии лозунг: «Идите в реформистские профсоюзы».

В конце 1932 г. профопозиция имела уже 310 тыс. членов. Она вела самостоятельно забастовки, она построила параллельный аппарат, но она не работала или плохо и недостаточно работала в реформистских профсоюзах.

Компартии удалось создать целый ряд массовых организаций: организации безработных, МОПР, спортивные организации, союз безбожников, союз квартиронанимателей, и т. д. Все это конечно расширяло массовое влияние партии, но существование всех этих организаций не уменьшало необходимости работы в реформистских профсоюзах. Через членов всех этих организаций компартия получила возможность усилить работу внутри профсоюзов, ибо многие из членов этих массовых организаций состояли и членами реформистских профсоюзов. Но она не использовала или недостаточно использовала эту возможность. Сами же по себе эти массовые организации не могли заменить необходимости работы в реформистских профсоюзах, работы, которая оставалась запущенной.

Наша партия имела большие успехи. В последнее время она не только увеличила количество голосов на выборах, но стала большой притягательной силой для революционных рабочих. С января 1931 г. до апреля 1932 г. партия увеличила свой состав почти в 2 раза, в январе 1931 г. она имела 180 тыс. членов, а через год, в апреле 1932 г., — уже 332 тыс. членов. Увеличили свой членский состав и массовые рабочие организации, которые находились под влиянием компартии Германии. Однако ряд серьезных недостатков в массовой работе остался. Главнейший из них заключается в том, что работа на предприятиях была очень слаба. Партии до сих пор не удалось создать на предприятиях опорные пункты, без которых ни одна компартия не может серьезно работать. Правда, работа на предприятиях представляла значительные трудности, особенно в последние годы, во время кризиса, когда при массовом увольнении рабочих в первую очередь выкидывали революционных рабочих, в особенности членов компартии Германии. Но большевистская партия должна учиться преодолевать эти трудности. Можно считать, что

до гитлеровского переворота число коммунистов, работавших на предприятиях и притом не на самых крупных, составляло не больше 11% общего числа членов партии.

Немало трудностей представляла и работа в профсоюзах, так как и отсюда революционные элементы изгонялись. Но и в этой области партия не проявляла достаточной настойчивости в работе. Работа в профсоюзах не была поставлена удовлетворительно; РПО, как и партия, до самого последнего времени не связалась прочно с предприятиями. Это не могло не отразиться серьезнейшим образом на влиянии компартии Германии среди широких рабочих масс, а следовательно и на развитии революционного подъема в Германии.

Вместе с тем и методы массовой работы компартии не учитывали достаточно необходимости переубедить социал-демократических рабочих. Наша агитационная работа была особенно неудовлетворительна для подхода к массам, которые еще находились под влиянием буржуазии и ее агентуры. Мы занимались очень много вопросами политики, что конечно вполне правильно. Но что неправильно—это то, что при этом мы не вели настоящей массовой работы. Мы созывали собрания, в которых принимало участие до 25 тыс. человек, и удовлетворялись тем, что мы имели возможность говорить с этими массами. Но кто приходил на эти собрания? Приходили наши люди, революционные рабочие, которые и раньше уже находились под нашим влиянием.

Что представляла собой наша пресса, проникала ли она действительно в массы рабочего класса, говорила ли она понятным им языком, ставила ли интересующие их вопросы каждодневной борьбы? Привлекали ли наши фабрично-заводские газеты своим содержанием всех рабочих данной фабрики и завода? Нет. Эти газеты издавались по определенному шаблону, материал заимствовался из политической ежедневной прессы партии, повторялся и подавался в пережеванном виде; вместе с тем эти фабзавгазеты не отражали жизни самих предприятий, не освещали происходящих на предприятиях событий, не вовлекали рядовых рабочих в доставку и обработку материала.

Упущения в массовой работе компартии Германии позволили реформистам удерживать рабочих от борьбы.

Нажим на рабочий класс в Германии был сильнее, чем в других крупнокапиталистических странах, а между тем число забастовок в период кризиса было меньше. В Германии в 1929, 1930 и 1931 гг. было 1 304 стачки с 637 тыс. стачечников, которые вместе потеряли 10 145 900 рабочих дней. В это

же время в Англии было 1 468 стачек. В этих стачках участвовало 1 404 400 рабочих, а потеряли они вместе 20 321 тыс. рабочих дней. В Америке за это же время было 2 700 стачек с участием 761 тыс. человек, и потеряли они вместе 20 934 100 рабочих дней. Даже во Франции, где кризис начался на много позже, где нажим на рабочих вначале был меньшим, была 3 601 забастовка с участием 2 108 тыс. человек. Меньше всего забастовок было в Германии в 1931 г.

Улучшение в массовой работе, руководство забастовками, проведение тактики единого фронта

С середины 1932 г. массовая работа несколько улучшилась. Участились случаи самостоятельного руководства со стороны партии забастовочной борьбой и подготовкой этой борьбы. Стачки горняков в Руре (январь 1932 г.) и транспортников в Берлине (ноябрь 1932 г.) руководились красными профсоюзами и профоппозицией. Профбюрократы всеми силами старались сорвать их даже с помощью полиции. Стачка горняков в Руре была подавлена силой.

Борьба против чрезвычайных декретов, налагавших новые и особенно обременительные тяготы на рабочих, велась исключительно компартией и профоппозицией при сопротивлении как социал-демократии, так и лидеров реформистских профсоюзов. Наглый чрезвычайный декрет Папена, который предоставил право предпринимателям снижать зарплату до 50%, был сорван борьбой рабочих, организованной исключительно компартией. Папен, издавший этот декрет, рассчитывал, что предприниматели смогут провести его в жизнь, так как все предыдущие декреты были проведены без борьбы со стороны рабочих. Парламентство ожидало, что и теперь будет то же самое. Оно ошиблось в своих ожиданиях. Папен при издании этого декрета должен был отменить те самые колдоговоры, на которые опирались профбюрократы, срывая и саботируя всякие попытки профоппозиции и компартии организовать стачки. Поскольку декрет предоставлял каждому предпринимателю возможность нарушить эти колдоговоры и сократить заработную плату на 50%, явилась возможность для компартии Германии и РПО, через голову профбюрократов, вести борьбу на отдельных предприятиях против этого декрета. Компартия Германии и РПО использовали положение, созданное декретом, чтобы сорвать его.

Благодаря тому, что Папен не мог обеспечить проведение

этого декрета, все буржуазные партии, за исключением националистов, в том числе и социал-демократия, голосовали против этого декрета и правительства Папена в рейхстаге, после чего Папен должен был уступить свое место Шлейхеру.

За последний период до прихода Гитлера к власти компартия удалось проникнуть в широкие массы и даже приобрести влияние среди социал-демократов, членов реформистских профсоюзов, а также членов союза «Республиканского флага» именно потому, что ей удалось организовать борьбу против этого чрезвычайного декрета. Авторитет партии сильно поднялся, члены реформистских профсоюзов стали участвовать в забастовках, руководимых РПО и коммунистами (в стачке транспортников в Берлине входили вместе с коммунистами и члены реформистских профсоюзов, и даже национал-социалисты).

Первые шаги по совместной борьбе коммунистов и социал-демократических рабочих против фашистов получили широкий отклик среди социал-демократических рабочих. Поддерживая борьбу безработных, стремясь организовывать эту борьбу на основе широкого единого фронта, компартия и РПО вместе с тем обратились в апреле 1932 г. с предложением ко всем рабочим организациям о совместной борьбе против снижения зарплаты при перезаключении колдоговоров. Это предложение компартии и РПО было встречено рабочими массами с большим сочувствием. Впервые за многие годы рабочие всех направлений стали открыто, вопреки воле социал-демократической партии и профбюрократов, обсуждать это предложение. Оно положило начало совместной борьбе социал-демократических и коммунистических рабочих в довольно широких размерах.

Вторым шагом в этом направлении было предложение, сделанное компартией Германии реформистским профсоюзам в лице АДГБ и ЦК социал-демократической партии 20 июля, когда Папен изгнал социал-демократов из прусского правительства, объявить совместно всеобщую забастовку за отмену чрезвычайных декретов и роспуск штурмовых отрядов. Социал-демократическая партия заявила, что призывать к всеобщей забастовке могут только провокаторы. Вместо участия в забастовке она предлагала рабочим голосовать на выборах в рейхстаг 31 июля за социал-демократию и этим путем «устранить опасность фашизма». Хотя вследствие этого злостного саботажа АДГБ и социал-демократической партии предложение компартии не привело к массовой стачке, тем не

менее это была правильная тактика. Предложение компартии Германии показало социал-демократическим рабочим, что хотя коммунисты и все революционные рабочие были противниками социал-демократического прусского правительства, которое служило буржуазии и подавляло рабочее движение, хотя коммунисты не переставали разоблачать реформистов и социал-демократическую партию, однако, когда опасность прихода фашизма к власти непосредственно нависла над рабочим классом, коммунисты предлагают им совместную борьбу с врагом.

Еще большее впечатление произвело на социал-демократических рабочих второе предложение об образовании единого фронта борьбы, сделанное компартией реформистским профсоюзам и социал-демократической партией 30 января 1933 г., когда Гитлер стал у власти. Это видно из той демагогии, которую пришлось развить центральному органу социал-демократической партии—«Форвертсу» с целью оправдать в глазах рабочих свой отказ принять предложение коммунистов.

Теперь в отличие от 20 июля «Форвертс» ответил рядом статей на предложение компартии. Вместо установления единого фронта борьбы с фашизмом «Форвертс» предлагал заключить пакт о ненападении между коммунистами и социал-демократами, что в действительности означало бы отказ от разоблачения предательской тактики социал-демократии и ее сближения с фашизмом. Бастовать же, когда Гитлер пришел легально к власти, по мнению «Форвертса», означало бы стрелять в воздух. Другое дело, заявляла газета, если Гитлер выйдет из рамок Веймарской конституции. Тогда—о тогда!—социал-демократия объявит ему «решительную борьбу».

Эта игра социал-демократического руководства вызвала у некоторой части социал-демократических рабочих колебания в сторону компартии Германии. Этому содействовала совместная борьба на улицах против фашистов, которые стали без разбора избивать не только коммунистов и вообще революционных рабочих, но и социал-демократических рабочих. По мере того, как фашисты стали громить не только коммунистические, но и социал-демократические профсоюзные и кооперативные дома и учреждения, рабочие всех направлений стали местами выходить на улицу и совместно отбиваться от фашистов. Дошло до того, что коммунисты защищали против фашистов даже ненавистное им здание «Форвертса», то самое здание, которое спартаковцы в 1919 г., борясь против предательства правительства Шейдемана и за установле-

ние пролетарской диктатуры, захватили. Это показало передовой части социал-демократических рабочих, что установить предлагаемый коммунистами единый фронт борьбы возможно, но что их руководство этот фронт срывает. В результате единый фронт борьбы между коммунистами и социал-демократическими рабочими вопреки социал-демократическому руководству начал местами устанавливаться снизу самими массами.

Если 20 июля призыв компартии к всеобщей забастовке не получил никакого отклика, то единый фронт, который начал устанавливаться снизу после 20 июля, показал, что он привлекает к себе широкие массы рабочих. Это в свою очередь привело к тому, что когда пришел Гитлер к власти, были проведены по призыву компартии Германии во всех крупных городах Германии демонстрации, а в ряде городов и стачки. В особенности крупные демонстрации и забастовки были проведены в связи с похоронами жертв фашистского террора.

В эти дни движение единого фронта настолько развилось, что социал-демократия не могла уже отделяться от него прежними методами. Она уже заявляла, что единый фронт против фашизма нужен, что его надо установить—дело лишь в том, чтобы выбрать для этого подходящий момент. Но тут же социал-демократическое руководство добавляло, что настоящий момент еще не является подходящим для объявления забастовки, что надо, мол, подождать, может быть позже забастовка станет целесообразной.

Социал-демократическая партия уже не могла отделяться клеветническим заявлением, что к забастовке призывают провокаторы, она вынуждена была прибегать к другим методам, чтобы саботировать единый фронт борьбы. Первого марта, после поджога рейхстага, когда фашисты обрушились неслыханным террором на рабочих и всех трудящихся, компартия Германии опять обратилась к социал-демократической партии и к АДГБ с предложением призвать рабочих ко всеобщей забастовке. Социал-демократы и профбюрократы на это предложение совсем не ответили. После выборов 5 марта 1933 г. они заявили: Гитлер пришел к власти законным путем, его назначил Гинденбург, а теперь его назначение подтвердило большинство народа; он имеет возможность править в рамках Веймарской конституции, а мы станем легальной оппозицией и будем ждать, пока народ опять не призовет нас к власти.

Никто не может отрицать, что за последние годы компартия Германии значительно расширила свое влияние на рабочий

класс за счет социал-демократов. Это можно проверить хотя бы по данным выборов в 1930 и 1932 гг. За эти 2 года социал-демократы потеряли 1338 тыс. голосов, компартия Германии выиграла 1384 тыс. голосов. Потеря социал-демократической партии и выигрыш голосов компартии Германии происходили главным образом в крупнейших промышленных центрах Германии. Коммунисты росли за счет социал-демократии. Это бесспорно. Но они росли слишком медленно по сравнению с темпом нарастания фашистских сил в Германии. То, что компартия Германии стала завоевывать членов реформистских профсоюзов и социал-демократической партии, что ей удалось в ряде мест вопреки социал-демократии и реформистским профбюрократам устанавливать единый фронт борьбы и отбить чрезвычайный декрет Папена,—подняло ее авторитет в широких рабочих массах. В то же время при стремительном, ускоряемом предательской тактикой социал-демократии, росте фашизма это вызвало удар против компартии Германии—инсинуацию о поджоге рейхстага и неслыханный террор против коммунистов, кровавое истребление среднего и низового актива местных организаций компартии Германии—удар такой силы, для немедленного отражения которого рабочий класс оказался еще не готовым.

Фашистские провокации и террор не могли изолировать компартию от масс

Компартия Германии ожидала, что она будет распущена ставшим у власти фашизмом, что этот роспуск будет проведен под прикрытием какой-нибудь провокации, но что террор примет сразу такие чудовищные размеры и что провокация будет иметь такой наглый характер, этого партия не предвидела. Заранее тщательно подготовленный фашистами план поджога рейхстага и немедленно же пущенная клевета, что этот поджог совершен компартией Германии, запрещение всей коммунистической печати в одну ночь, закрытие даже социал-демократической прессы, запрещение любой буржуазной газеты, осмелившейся намекнуть, что поджог организован фашистами; «нахождение» при обысках в помещениях коммунистических организаций подобранных туда фальшивок о том, что, подготавливая немедленное восстание, коммунисты будто бы намереваются отравить воду и составляют списки лиц, подлежащих расстрелу и т. д.,—и все это в атмосфере заранее организованного, исключительного по масштабу и жестокости террора, с издевательством и мучительством над

арестованными, с большим числом убитых и растерзанных людей «при попытке к побегу», — такова обстановка, в которой Гитлер произвел нападение на компартию Германии. Если искать в прошлом примеры, напоминающие гитлеровскую провокацию, то можно, и то только условно и с большими оговорками, сравнить ее с клеветой, которая была пущена в июле 1917 г. в России буржуазией против большевиков и против Ленина с обвинением в том, что они «продались немцам». Как ни бессмысленна и груба была эта провокация, но буржуазии, меньшевикам и эсерам удалось тогда, в июльские дни, на короткий срок натравить на партию большевиков мелкую буржуазию, которая неистовствовала во-всю. Нужна была самоотверженная, неустанная, умелая и бесстрашная; одним словом, большевистская массовая работа всей партии под гециальным руководством ЦК во главе с Лениным, чтобы в течение 4 месяцев, правда, в обстановке революционного кризиса, не только отбить провокационное нападение буржуазии, но расширить и укрепить влияние большевиков на широчайшие массы трудящихся, завоевать большинство рабочего класса и повести рабочие, солдатские и крестьянские массы на вооруженное восстание за власть советов.

Каково же было положение в Германии после фашистской провокации? Инсинуации фашистов не внесли замешательства в ряды коммунистов Германии и основных масс рабочего класса вообще. А ведь надо принять во внимание, что такого неслыханного террора против коммунистов и рабочих, который начался в Германии после поджога рейхстага, в июльские дни 1917 г. в России не было.

Возьмем выборы 5 марта 1933 г. При каких условиях приходилось тогда рабочим голосовать? Они не просто подавали свой голос в закрытом конверте, как это было всегда. Там, где коммунистическим и революционным рабочим приходилось голосовать, т. е. в рабочих районах, национал-социалистические штурмовики дежурили около урн со специальной целью. Они лично знали революционных рабочих своего района и, когда те приходили голосовать, они их хватали, забирали в свои казармы и там зверски избивали и даже убивали. Это было известно рабочим во время выборов и, несмотря на это, компартия Германии по официальным, т. е. гитлеровским, подсчетам получила около 5 млн. голосов. Но разумеется фашисты крали голоса у компартии. Теперь уже установлено, что гитлеровцы подкладывали себе голоса и немало. В Пеме-

рании например «голосовало» на 62 тыс. больше, чем было внесено избирателей в списки, а в Восточной Пруссии процент голосующих внезапно поднялся до 97, в то время как обычно участие в голосовании там на 5% ниже среднего процента по всей Германии. Недавно приехавший из Восточной Пруссии товарищ, работавший там среди крестьян, рассказывает, что в одном крупном имении, которое было избирательным участком во время выборов в ноябре 1932 г., все голоса поданы были за компартию, хотя батраки обязаны были состоять в организации «Стального шлема». Не было секретом, что 3 голоса, поданные здесь за «Стальной шлем», принадлежали помещику, его жене и инспектору. И вот 5 марта 1933 г. в этом отдельном избирательном участке все голоса были поданы за национал-социалистов! В таких выборных участках, если кто-нибудь из избирателей не являлся, то вместо неявившегося голосовал штурмовик. Вот каким образом национал-социалисты получили свои «17 млн. голосов».

Исход выборов таким образом показывает, что та часть пролетариата, которая пошла за компартией Германии и сознательно считает ее своим руководителем, не уйдет и будет бороться под знаменем компартии Германии, если компартия не сделает крупных ошибок. Это показывает, что компартия крепко связана с самой сознательной, с самой революционной частью рабочих Германии.

IV. БЫЛА ЛИ В ГЕРМАНИИ РЕВОЛЮЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ В ЯНВАРЕ 1933 г.

Условия революционной ситуации

Известно, что Ленин определил революционную ситуацию следующим образом:

«Для революции недостаточно, чтобы эксплуатируемые и угнетенные массы сознали невозможность жить по-старому и потребовали изменения; для революции необходимо, чтобы эксплуататоры не могли жить и управлять по-старому. Лишь тогда, когда «низы» не хотят старого и когда «верхи» не могут по-старому, лишь тогда революция может победить. Иначе эта истина выражается словами: революция невозможна без общенационального (и эксплуатируемых и эксплуататоров затрагивающего) кризиса. Значит, для революции надо, во-первых, добиться, чтобы боль-

шинство рабочих (или во всяком случае большинство сознательных, мыслящих, политически активных рабочих) вполне поняло необходимость переворота и готово было идти на смерть ради него; во-вторых, чтобы правящие классы переживали правительственный кризис, который втягивает в политику даже самые отсталые массы (признак всякой настоящей революции: быстрое удешевление или даже увеличение во сто раз количества способных на политическую борьбу представителей трудящейся и угнетенной массы, доселе апатичной), обессиливает правительство и делает возможным для революционеров быстрое свержение его»¹.

Созрели ли все эти условия в Германии в январе 1933 г.? Нет. Вся буржуазия перед грозной опасностью пролетарской революции, несмотря на наличность разногласий в своем лагере, объединилась против революционного пролетариата. Громадное большинство мелкой буржуазии шло за буржуазией в лице Гитлера, который обещал им вернуть прежнюю «великую» Германию, где мелкой буржуазии жилось более или менее сносно. Пролетариат был расколот социал-демократической партией, за которой еще шло большинство рабочих. Значит эксплуататоры могут еще жить и управлять, могут еще по-старому эксплуатировать рабочий класс, хотя и новыми фашистскими методами.

Революционная ситуация в 1923 г. и оппортунистическое руководство

В 1923 г. в Германии была революционная ситуация. Что там тогда было?

Исполком Коминтерна, который в январе 1924 г. детальнейшим образом анализировал положение в Германии, определил признаки имевшейся революционной ситуации во II разделе своей резолюции «Уроки германских событий» следующим образом:

«О том, что в Германии нарастает новая революционная волна, говорили огромные стачки и борьба на Руре в мае—июне, забастовки в Верхней Силезии, забастовка металлистов в Берлине, бои в Эрцгебирге, в Фогтланде и массовая политическая стачка в августе 1923 г., повлекшая за собой падение правительства Куно.

Стремительное обострение положения выражалось в

¹ Ленин, т. XXV, стр. 222

росте дороговизны, в инфляции, в чудовищном налоговом бремени, в кризисе парламентаризма, в последовавшем за слабым пока еще наступлением пролетариата усиленном контрнаступлении капитала, в кризисе продовольственном, снижении заработной платы, в постепенном сведении на-нет социальных завоеваний рабочего класса, затем в росте сепаратистских и партикуляристских движений, в возрастающем обнищании старого и нового среднего сословия, в утрате влияния демократическими срединными партиями. Все тяготы, связанные с сопротивлением на Руре (Рур был занят союзническими войсками.—О. П.), были переложены на пролетариат и все более пролетаризовавшиеся средние слои. Обострение классовых противоречий быстро шло нога в ногу с распадом германского капиталистического хозяйства, оторванного от своих опорных пунктов.

Во многих провинциях люди, вооружившись, сотнями отправлялись на поля за продовольствием. Широкие средние слои, впав в отчаяние, колебались между двумя полюсами, указывавшими выход из положения— между коммунистами и фашистами. В больших городах дело беспрестанно доходило до грабежей, разгромов, голодных демонстраций и кровавых столкновений.

В месяцы, предшествовавшие зиме 1923 г., соотношение классовых сил в Германии неуклонно изменялось в пользу пролетарской революции. 18—20 млн. пролетариев с самого начала рурской оккупации оставались чуждыми каким бы то ни было националистическим настроениям. (Подчеркнуто мною.—О. П.) Среди 6—7 млн. городской мелкой буржуазии и 4—5 млн. мелкого крестьянства, хуторян и арендаторов происходило глубокое брожение.

Политика демократических коалиций потерпела явное банкротство. Социал-демократия, разделявшая с буржуазными демократическими партиями правительственную власть, должна была решить для себя вопрос, идет ли она на заключение тесного блока с представителями тяжелой промышленности и реакционной военной? И она действительно пошла на это.

Перед компартией Германии стояла... задача—использовать период международных осложнений, вызванных рурским кризисом, внутренний, неслышанно тяжелый

кризис германского капитализма и происходящую ликвидацию рурского кризиса для свержения буржуазии и установления пролетарской диктатуры.

Для этой цели партии предстояло мобилизовать промышленный пролетариат на борьбу против тяжелой индустрии и в то же время против французского империализма. Вместе с тем ей предстояло, по меньшей мере, нейтрализовать средние слои города и деревни, а по возможности и подчинить их своему руководству.

Первую задачу можно было разрешить, лишь высвободив преобладающую массу пролетариата из-под влияния социал-демократов всех мастей и организовав ее так, чтобы она была готова к штурму капиталистических позиций.

Задача эта разрешена была в недостаточной мере, причины чего будут рассмотрены ниже.

Вторая задача в основном означала разгром влияния фашистов, преобразование националистических настроений в волю вести в союзе с пролетариатом борьбу против германских крупных капиталистов и тем самым против французских империалистов. За эту задачу германская компартия принялась с успехом, лучшим показателем чего является антифашистский день 29 июля 1923 г. Широкие слои мелкобуржуазного населения уже тогда питали симпатии к КПГ, которой в значительной степени удалось уяснить этим слоям лицемерие «социальной» пропаганды фашистов, их объективную роль пособников крупной буржуазии, предающей нацию, и совпадение интересов мелкой буржуазии с интересами пролетариата.

Разложение в лагере буржуазии росло с каждой неделей. Росло и доверие к компартии. Надо было организовать это доверие и подготовить все силы для решительного удара.

КПГ и исполком в совещаниях с представителями пяти самых больших партий в сентябре пришли к заключению, что революционный кризис в Германии назрел в такой степени, что решающее столкновение («для свержения буржуазии и установления пролетарской диктатуры», из того же II раздела.—*О. П.*) является вопросом немногих недель».

Положение рабочего класса в 1923 г. было ужасное. Несмотря на то, что почти не было безработных, что все ра-

ботали, инфляция доводила рабочих до того, что определенная в начале недели зарплата в конце недели настолько обесценивалась, что на нее нельзя было и фунта картошки купить. К тому же социал-демократическая партия, которая «действительно пошла» «на заключение тесного блока с представителями тяжелой промышленности и реакционной военной», настолько ослабла, что ее платный аппарат разбежался, так как нечем было платить жалованье. Еще хуже обстояло дело с реформистскими профсоюзами. Они потеряли около 5 млн. членов. Ничем помочь этим членам профсоюзов, отказавшиеся от классовой борьбы, не могли. Да и аппарат профсоюзов распался.

Такие благоприятные условия для революционной партии редко бывают в истории. Стачки, демонстрации, антифашистские дни, которые были проведены весной и летом 1923 г., не оставляли сомнения в том, что германский пролетариат хотел и пошел бы на более решительную борьбу. Рабочий класс пошел бы на самую отчаянную борьбу, если бы его повело на эту борьбу смелое и неоппортунистическое руководство КП Германии. Этого-то руководства тогда, в 1923 г., не было. А что революционное руководство могло бы организовать победоносное восстание, доказывает то, что когда брандлеровское руководство разослало курьеров с приказом, чтобы начали выступление (вдогонку этим первым курьерам оно послало других курьеров с указанием не начинать выступления), то восстание в Гамбурге (куда второй курьер попал слишком поздно) началось, и парторганизация и рабочие очень быстро достали оружие. Если бы восстание началось тогда в промышленных центрах Германии, то к нему примкнули бы широчайшие рабочие массы во всей стране. Были основания рассчитывать, что примкнут и матросы военных кораблей Германии.

Военные матросы были в Гамбурге во время восстания в 1923 г. Они не выступали против восставших. Они выжидали.

Тогда были все предпосылки для победоносного восстания, но не было революционного смелого руководства и хорошей связи с фабриками и заводами. Революционная ситуация была пропущена.

Соотношение классовых сил в январе 1933 г.

Была ли такая ситуация в январе 1933 г.? Не была. На этом вопросе президиум КИ в своей резолюции «О современном положении в Германии» подробно остановился.

«При таких обстоятельствах,—говорится в резолюции Президиума,—пролетариат оказался в таком положении, когда он не мог, и действительно не смог, организовать немедленный и решительный удар против государственного аппарата, включившего в свой состав для борьбы против пролетариата боевые организации фашистской буржуазии, штурмовые отряды, «Стальной шлем», рейхсвер. Буржуазия без серьезного отпора смогла передать государственную власть в стране в руки национал-социалистов, выступающих против рабочего класса средствами провокаций, кровавого террора и политического бандитизма.

Анализируя условия победоносного восстания пролетариата, Ленин говорил: Решительное сражение можно считать вполне назревшим, если «все враждебные нам классовые силы достаточно запутались, достаточно передрались друг с другом, достаточно обессилили себя борьбой, которая им не по силам»; если «все колеблющиеся, шаткие, неустойчивые промежуточные элементы, т. е. мелкая буржуазия, мелкобуржуазная демократия, в отличие от буржуазии, достаточно разоблачили себя перед народом, достаточно опозорились своим практическим банкротством», если «в пролетариате началось и стало могуче подниматься массовое настроение в пользу поддержки самых решительных беззаветно смелых революционных действий против буржуазии. Вот тогда революция назрела, вот тогда наша победа, если мы верно учли все намеченные выше... условия и верно выбрали момент, наша победа обеспечена».

Характерная особенность обстановки в момент гитлеровского переворота состоит в том, что эти условия победоносного восстания не успели еще назреть к тому времени, они имелись лишь в зародышевом состоянии.

Что касается авангарда пролетариата—коммунистической партии, то он, не желая власти в авантюризм, не мог конечно возместить своими действиями этот недостающий фактор.

«С одним авангардом,—говорит Ленин,—победить нельзя. Бросить один только авангард в решительный бой, пока весь класс, пока широкие массы не заняли позиции либо прямой поддержки авангарда, либо по крайней мере благожелательного нейтралитета по от-

ношению к нему... было бы не только глупостью, но и преступлением».

Таковы обстоятельства, определившие отступление рабочего класса и победу партии контрреволюционных фашистов в Германии.

Таким образом установление фашистской диктатуры в Германии является в конечном счете следствием социал-демократической политики сотрудничества с буржуазией в продолжение всего существования Веймарской республики».

Почему Президиум так подробно остановился на вопросе, была ли революционная ситуация в Германии в начале 1933 г.? Потому, что кое-где распускаются, без какой бы то ни было попытки дать анализ положения, легенды, будто революционная ситуация в Германии была, но компартия «прозевала» ее. Для КП Германии эти нелепые разговоры имеют особое значение, так как в 1923 г. она действительно совершила грубую ошибку, не использовав революционной ситуации. Руководители тогдашнего ЦК были и совершенно правильно сняты. Цель нелепых разговоров о том, что КП Германии пропустила революционную ситуацию в 1933 г., и заключается в том, чтобы посеять недоверие к ЦК КПГ. Документ Президиума кладет конец этим в корне ошибочным и безответственным взглядам. Авторитет руководства КП Германии в настоящее время должен быть поддержан больше чем когда бы то ни было. В частности нельзя сравнивать теперешний террор с преследованиями партии в 1923 г., хотя партия и тогда была на нелегальном положении. Преследования, которым подвергалась компартия в 1923 г.,—это детская игрушка по сравнению с тем, что происходит сейчас. Фашисты не только арестовывают, но они физически истребляют партийные кадры. Абсолютный авторитет партруководства приобретает сейчас решающее значение. Не поддерживать это руководство, которое давало правильную оценку положения и проводило правильную тактику, является преступлением.

Необходимые условия победоносного восстания

Почему Президиум ИККИ специально остановился также и на вопросе о том, должна ли была партия выступить даже тогда, когда не было революционной ситуации и хотя бы заранее известно, что авангард пролетариата, бросившись один в решительный бой, будет разбит? Потому, что всегда при

временном поражении в любой партии, так же и в германской, обнаруживается неправильное суждение по этому вопросу. И сейчас некоторые задают такой вопрос: почему же партия, которая имеет за собой почти 6 млн. голосов, за которую даже в самый трудный момент голосовало около 5 млн. рабочих, почему такая партия не оказала вооруженного сопротивления даже без всякой надежды на успех.

Поэтому документ подчеркнул, что при существующих условиях призыв КП Германии 1 марта 1933 г. к вооруженному восстанию был бы авантюризмом и преступлением. КПГ сделала все возможное, чтобы мобилизовать массы к решительному отпору фашизма, — в частности, когда Гинденбург передал Гитлеру власть, КПГ, и это было вполне правильно, не только рекомендовала рабочим отбиваться от нападения фашистов и вооружаться за счет фашистских банд, но и призывала рабочих ко всеобщей стачке. До 1 марта, в течение всего февраля, члены КПГ, красные фронтовики и революционные рабочие давали решительный отпор фашистским бандам и вооружались оружием, которое отбирали от фашистов. Этот отпор происходит кое-где и до сих пор.

Одновременно КПГ сделала все для организации в разных промышленных центрах политических стачек. 1 марта КП Германии призывала к массовой политической забастовке для вовлечения широких рабочих масс в революционную борьбу с фашизмом. Если бы германский пролетариат откликнулся на этот призыв, то такая успешная забастовка, вовлекая в широком размере безработных в борьбу, могла бы перейти при благоприятных условиях в вооруженное восстание. Социал-демократам и профбюрократам удалось сорвать эту забастовку, что показало, что за КПГ идет лишь меньшинство рабочего класса. При таком соотношении сил между КПГ и социал-демократией оказалось невозможным проведение даже политической забастовки, не говоря уже о вооруженном восстании. Это значило, что в январе 1933 г. не было революционной ситуации в Германии и что КП Германии не могла воспрепятствовать приходу Гитлера к власти. Ясно, что когда большинство рабочего класса шло за социал-демократической партией и профбюрократией, когда почти вся мелкая буржуазия враждебно относилась к КП Германии, указывая фашистам на коммунистов и революционных рабочих, помогая фашистам ловить их, выдавая фашистам квартиры, где имелась коммунистическая литература и т. д., когда штурмовые вооруженные отряды, «Стальной

шлем» и рейхсвер готовы были ринуться в бой против восставших,—вооруженное восстание было осуждено на разгром. Призыв к восстанию в таких условиях был бы гибелен для компартии Германии, а следовательно для всего германского пролетариата. Некоторые, считающие себя «левыми», утверждают, что КПГ незачем было откладывать вооруженное восстание до того, как она обеспечит свое влияние над большинством рабочего класса, что она может, мол, получить это большинство уже «во время самого боя». Это—опасная безответственная точка зрения. Верно, что влияние и силы партии растут и крепнут в процессе самой борьбы, во время самого боя, но при каких условиях? Только в том случае, когда партия правильно учла соотношение сил и правильно выбрала во время революционного кризиса момент, чтобы повести рабочий класс в решительный бой. Возьмем опыт болгарского восстания в 1923 г. и эстонского—1924 г. Болгарские и эстонские товарищи ринулись в бой, когда ситуация для этого еще не созрела. Рабочие массы не перешли на сторону восставших, а уже тем более крестьянские массы не поддержали их. В результате болгарские и эстонские коммунисты были разбиты.

Объявление вооруженного восстания в начале 1933 г. в Германии имело бы своим результатом разгром пролетарского авангарда, зарвавшегося вперед и не поддержанного массами, и привело бы к тому, что революционное движение было бы отброшено на годы назад. Между тем как сейчас мы видим, что компартия оправляется и начинает широкую работу в массах. Это доказывает, что тактика партии была правильна. Вот почему резолюция Президиума ИККИ и начинается с того, что подчеркивает правильность политической линии, тактики и организационной политики компартии Германии.

КПГ не могла и не должна была призывать к выступлению, если она хотела сохранить свою боеспособность, которая нужна рабочему классу уже сейчас. Она еще больше будет нужна по мере того, как временное затишье в Германии пройдет, по мере того, как рабочие начнут все больше отходить от социал-демократической партии, по мере того, как мелкая буржуазия города и деревни убедится, что национал-социалисты их обманули. Те элементы, которые, критикуя КПГ за то, что она не призывала к выступлению 1 марта 1933 г., выдают себя за «революционеров» в отличие от «оппортунистов» из руководства компартии Германии, фактически играют на руку фашистам.

Надо сказать всю правду социал-демократическим рабочим

Говоря о предательстве социал-демократических вождей, сознательно и преднамеренно саботировавших все предложения коммунистов о едином фронте борьбы против фашизма, против наступления капитала, мы не должны закрывать глаза на то, что и социал-демократические рабочие в своей массе не приняли предложения коммунистов о едином фронте. Документ Президиума ИККИ говорит об этом с полной определенностью. Это смущает некоторых товарищей и требует поэтому дополнительного разъяснения. Дело в том, что КПГ в свое время совершенно правильно вела борьбу против леваков, левых в кавычках, фразеров, которые отождествляли вождей социал-демократии с ее членской массой. И вот товарищам, которые механически усвоили истину, что нельзя отождествлять вождей социал-демократии с ее членами, трудно понять, почему документ Президиума ИККИ теперь бросает такое тяжкое обвинение социал-демократическим рабочим. Не все товарищи понимают, что тактика большевиков должна быть гибка, что перемена ситуации требует соответствующего изменения тактики, что то, что является правильным в одних условиях, не всегда остается пригодным при новой ситуации.

ИККИ и компартия Германии в свое время сосредоточили удары против отождествления социал-демократических рабочих с предательскими вождями, потому что в целом ряде стран, в том числе Германии, широко были распространены «левые» фразы, третирующие социал-демократических рабочих на фабриках, биржах труда и т. д. как маленьких «цергибелей», как «фашистов». Эта тактика задерживала приход социал-демократических рабочих к коммунистам и затрудняла установление единого фронта революционной борьбы. КПГ выступила против таких методов «массовой работы». Эта тактика была верна тогда и остается верной и сейчас. Но значит ли это, что мы должны игнорировать то новое, что характеризует последние события в Германии? Документ Президиума ИККИ, оценивая эти события, сказал всю правду, как она есть. Верно ли, что коммунисты всегда обращались к социал-демократическим рабочим, предлагая им единый фронт? Да, верно. Больше того, во всех случаях, когда социал-демократические рабочие начинали борьбу, коммунисты всегда становились в первые ряды борющихся, принимая на себя наиболее тяжелые удары классового врага. Должны

ли коммунисты сказать о том, что было, а именно—что они призывали социал-демократических рабочих устанавливать единый фронт и что те в своей массе этого предложения не приняли? Безусловно должны. Вместе с тем документ Президиума объясняет, почему социал-демократические рабочие в своей массе не откликнулись на предложение коммунистов о едином фронте,—потому что они были скованы своим руководством, потому что они еще верили слепо этому руководству.

Документ Коминтерна разъясняет коммунистам и революционным рабочим, чем вызваны временное отступление компартии Германии и победа контрреволюционных фашистов. Главная причина заключается в том, что социал-демократические рабочие еще шли за своим руководством, которое, поддерживая реакционный фронт буржуазии, было против принятия предложения коммунистов о едином революционном фронте. Компартия Германии не могла организовать успешной борьбы против фашистов, ибо социал-демократическая партия, расколов рабочий класс, сумела удержать своих членов от установления единого фронта с коммунистами. Кто является прямым виновником временной победы фашистов? Конечно социал-демократические вожди, которые сознательно предали борьбу рабочих в интересах буржуазии. Но можем ли мы сказать, что социал-демократические рабочие в своей массе не несут никакой политической ответственности за фактический отказ от участия в едином фронте борьбы против фашизма? Нет, не можем. Коммунисты должны открыто сказать это социал-демократическим рабочим. Усиливая свою агитацию среди социал-демократических рабочих, коммунисты должны открыто указать на их серьезную ошибку, повлекшую такие тяжелые последствия для рабочего класса. Это необходимо сделать тем паче, что социал-демократические вожди могут еще выкинуть «левые» маневры и создать «нелегальные» организации с целью нового обмана социал-демократических рабочих и удерживая их от перехода к коммунистической партии Германии.

V. УДЕРЖИТ ЛИ ГИТЛЕРОВСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ВЛАСТЬ?

Почему буржуазия призвала Гитлера к власти

Это правительство является правительством самого беспощадного, небывалого еще по силе и размеру наступления на рабочий класс. Выше уже отмечалось, что фашистское пра-

вительство Папена пало потому, что оно не могло обеспечить усиления нажима на рабочий класс. Призвав к власти Шлейхера, опирающегося на рейхсвер, буржуазия рассчитывала, что ему удастся создать массовый базис для проведения программы Папена. «Социальный» генерал Шлейхер попытался сговориться с католическим центром и реформистскими профсоюзами и при посредстве Грегора Штрассера провести раскол в национал-социалистической партии. Ему это не удалось. Буржуазии ничего не оставалось делать, как передать власть национал-социалистам. Она пошла на это не сразу, не будучи уверенной, что наци сумеют провести программу еще большего нажима на рабочий класс и трудящихся, не ускорив в то же время назревание революционного кризиса.

Функ—тсоретик национал-социалистической партии, выступая еще до переворота в «клубе господ», где ему незачем было скрывать свою программу, определял задачи своей партии следующим образом: установление самых низких ставок зарплаты, разгром системы колдоговоров, форсирование заграничного экспорта без учета того, как это отразится на жизненном уровне трудящихся масс.

Уничтожение колдоговоров

Что касается форсирования экспорта, то буржуазия может убедиться, что и при помощи фашизма это не так легко будет провести в жизнь. Зато уничтожение колдоговоров идет полным ходом. В Котбусе например так называемая «Организация рабочих предприятий» (фашистская) заключила для строителей колдоговор с предпринимателями, согласно которому прежняя система колдоговоров уничтожается и допускаются ставки как выше договорных, так и ниже. Новая форма фашистских «колдоговоров» в Котбусе устанавливает таким образом ставки для каждого рабочего в отдельности, между тем колдоговоры до сих пор заключались профсоюзами с предпринимателями не только для организованных, но и для неорганизованных рабочих, и нарушение колдоговора каралось законом. Фашисты повидимому намерены начатое в Котбусе распространить по всей стране.

«Роте Фане», уже нелегальная, сообщила, что на берлинском заводе Гумма и Мюллера происходила стачка против сокращения зарплаты на 10%, причем бастовали дружно рабочие всех направлений, в том числе и национал-социа-

листы. На собрание бастующих явился 54-й отряд штурмовиков и от имени руководства «Национал-социалистической организации на заводах» потребовал прекратить забастовку. Получив отказ, штурмовики стали избивать всех рабочих, в том числе и членов своей партии, после чего последние заявили, что выходят из национал-социалистической партии. Таких случаев было уже не мало на ряде заводов и фабрик.

Ликвидация социального страхования и милитаризация безработных

«Форвертс» 22 июня 1932 г. опубликовал материал по выработке фашистской программы-минимум. Фашисты тогда пытались опровергнуть правильность сообщения «Форвертса». Что было в этом документе? В нем мы читаем:

«Право рабочих на страхование от безработицы должно быть отменено, так как нет никакого сомнения, что страхование стимулирует наклонность к лени и действует разлагающим образом».

Для инвалидов в этих материалах предусматривалась помощь в размере 60 пфеннигов, т. е. 30 коп. в день, да и то только для тех, кто пройдет через комиссии, созданные национал-социалистами.

Еще до прихода Гитлера помощь безработным в Германии была очень сокращена. В 1928 г. 60% всех безработных получали пособия, а в 1932 г.—только 29%. В марте 1933 г. уже при фашистах получали пособие лишь 12% официально зарегистрированных безработных. Само пособие было сокращено еще до прихода к власти фашистов на 50%. Раньше срок получения пособий был 48 недель, а теперь—только 6 недель; после шести недель была введена так называемая проверка нуждаемости, которая фактически снимает с пособия всех, кто только является в комиссию.

Между тем безработица в Германии, как известно, растет. За январь 1933 г. число работающих в промышленности упало по сравнению с декабрем 1932 г. с 42,1 до 40,2%. Оставшиеся на работе в январе 1933 г. работали 33,3 часа в неделю вместо 36,1 часа в неделю в декабре 1932 г.

Перед выборами 5 марта национал-социалисты увеличили пособие безработным на 2 марки в месяц. Фашисты хотели этим показать, что их правительство является единственным, которое, придя к власти после 1928 г., не только не сокращает выдач безработным, но еще кое-что добавляет. Это оказало известное влияние на несознательную часть безработных.

Цель фашистов была внести таким образом разлад среди безработных и подготовить уничтожение социального страхования. Этим они дадут щедрый подарок предпринимателям—1 млрд. марок в год. Страхование в Германии построено таким образом, что и предприниматели и рабочие вносят в фонд страхования определенный процент с зарплаты, а государство, со своей стороны, добавляет свою часть в этот фонд. Теперь фашисты хотят ввести вместо страхования от безработицы обязательную трудовую повинность, принудительный труд для безработных. Главная цель устраиваемых ими лагерей для безработных состоит в том, чтобы создать из них армию. Так как по Версальскому договору Германия может иметь только 100 тыс. человек в рейхсвере, то фашистское правительство посредством муштровки молодежи в лагерях и принудительной работы для безработных хочет подготовить многочисленную армию. Предполагая организовать в год военную подготовку 600 тыс. молодых безработных призывного возраста, фашисты рассчитывают в течение двух лет создать армию в 1 200 тыс. человек. До сих пор им не удавалось провести этот план, потому что неоткуда было получить деньги на организацию таких лагерей.

Создавая под видом помощи безработным армию на случай войны, фашисты уже теперь перебрасывают на работу к помещикам в качестве исключительно дешевых рабочих рук безработных из лагерей «добровольной трудовой повинности», организованных еще раньше городскими управлениями. Эти безработные выполняют работы, которые раньше выполнялись строителями, землекопами, лесорубами и т. д., получая конечно гораздо более низкую плату. По «условию» они должны получать в день: на-руки 38 пфеннигов¹ и «сбережения»,—которые не выдаются, а записываются в счет,—24 пфеннига в день. Городские самоуправления, которые финансируют эти лагеря, выдают на каждого безработного 1,79 марки в день за 6-часовой рабочий день плюс несколько часов муштровки. Фактически же на безработных тратят только 1,73 марки в день, так как лагеря считают за довольствие в день 1,23 марки, за койку в казарме—18 пфеннигов и за прозодежду—23 пфеннига. Значит остается для выдачи на-руки и для «сбережений» 9 пфеннигов. Эта оплата, если даже считать 1,79 марки в день, меньше половины той, которую получали неквалифицированные рабочие в конце 1932 г.

Такова оплата за труд безработных в «добровольных трудо-

¹ 1 пфенниг равен полукопейке.

вых лагерях». Что же будет в гитлеровских лагерях по трудовой повинности? Фашисты в этих лагерях предполагали проводить главным образом военную муштровку и лишь 2 часа в день тратить на производственную работу. Это им конечно не помешает попытаться использовать эту армию в качестве штрейкбрехеров. Вот чем фашисты хотят заменить социальное страхование от безработицы. До введения трудовой повинности в целом ряде провинций Германии фашистские правительства приступили к резкому снижению пособий безработным, что вызвало ряд крупных волнений среди безработных.

Проект программы-минимум предусматривает дальше снятие с постов государственных служащих не-членов национал-социалистической партии. Это уже проведено полностью в жизнь. Наци выкинули государственных и муниципальных служащих и чиновников не только социал-демократов, но и сторонников католического центра и демократов, а также беспартийных.

Фашизация профсоюзов и политика кнута

В этих же материалах мы читаем: «Рабочие профсоюзы должны быть заменены национальными союзами с паритетным представительством работодателей и рабочих». Фашисты уже захватили аппарат профсоюзов. Они намерены объединить все профсоюзы в «единый профсоюз», и хотя социал-демократические руководители реформистских профсоюзов пошли им всячески навстречу, но фашисты все же не только выгоняют многих из них из профсоюзов, но еще арестовывают их.

Союзы служащих уже сами себя распустили. Целый ряд руководителей реформистских профсоюзов подал в отставку, и тут же по соглашению с национал-социалистами избираются новые фашистские руководители. Реформистские лидеры не останавливались перед тем, чтобы погубить те профсоюзы, которые они удержали даже во время войны.

В этих программных материалах имеется также пункт о печати. Там предусматривалось, что в Берлине будут запрещены все газеты левее «Дейче Альгемейне Цейтунг», которая является одной из наиболее подлых и продажных газет. Это уже выполнено. Даже такая газета, как «Берлинер Тагеблатт», наиболее популярная за границей немецкая газета, осталась «существовать» только потому, что перешла к фашистам.

В этих материалах был также пункт о том, что компартия Германии будет разгромлена и дом имени Карла Либкнехта

будет превращен в казарму для штурмовиков. В доме имени Либкнехта помещается сейчас политическая полиция фашистов. Таким образом «материал для выработки программы-минимум» превратился в программу, которую фашисты с наибольшими изменениями провели в жизнь. Эта программа и определяет характер правительства.

Подачки мелкой буржуазии

Перед выборами фашисты ввели ограничение ввоза сельскохозяйственных продуктов. Были повышены таможенные тарифы на некоторые продукты сельского хозяйства до 500%, в особенности на такие продукты, которые потребляют широкие народные массы, как аргентинское мороженое мясо, масло, сало и т. д. Это было сделано фашистами для того, чтобы получить на выборах голоса деревенского населения. Эти меры дают преимущество главным образом помещикам, но отчасти и кулакам и среднему крестьянину. Фашисты действительно получили на свою сторону большинство деревни.

Сможет ли правительство и впредь подкупать крестьянство такой системой ограничения ввоза и тарифов, которая подерживала бы искусственно высокие цены на сельскохозяйственные продукты, в то время как зарплата рабочих и жалованье служащих все время снижается, когда пособие безработных все более урезывается, когда растет масса безработных, которые не получают никаких пособий? Не сможет. Эта система вызывает и будет вызывать контрмеры со стороны других правительств; с другой стороны, высокие цены на продукты питания вызвали и еще вызовут недовольство и со стороны городской мелкой буржуазии, на которую национал-социалисты главным образом опираются в городах.

Для того чтобы получить деревню на свою сторону, главным образом помещиков, кулаков и самостоятельных хозяйчиков, буржуазия ввела мораториум по сельскохозяйственным долгам до октября 1933 г. Часть буржуазии была против мораториума, в особенности банки, но она временно пошла на него по политическим соображениям. Мораториум облегчил временно положение и крестьян, так как он приостановил продажу имущества крестьянам за недоимки. Эти меры помогли гитлеровцам укрепиться в деревне. Но банки сильно нажимают, так как они не получают платежей даже от тех должников, которые могли бы платить. Мораториум по сельскохозяйственным долгам едва ли доживет до октября 1933 г.

Крестьяне уже спрашивают, что они будут делать, когда мораториум будет отменен.

Что гитлеровцы могут дать городской мелкой буржуазии? Могут ли они всей безработной мелкой буржуазии—служащим, чиновникам, бывшим офицерам и т. д.—дать государственные и коммунальные места, которые освободились после изгнания социал-демократов, сторонников католического центра и демократов? Нет, не могут. Желających получить местечки колоссальное количество, а число мест ограничено. Фашисты отдадут эти места главным образом своим непосредственным сторонникам. В Германии имеется 6 млн. служащих и чиновников, среди них безработных—42%. Буржуазия требует дальнейшего снижения жалованья служащим, и гитлеровцы должны будут пойти на это. Мелкой буржуазии города гитлеровское правительство дать ничего не может. Неудивительно, что кое-где уже намечается отрезвление некоторой части фашистских избирателей. Так в Вецларе около Франкфурта-на-Майне национал-социалисты получили на коммунальных выборах в середине марта 2 683 голоса против 4 092 голосов, полученных ими на парламентских выборах 5 марта 1933 г.

Незачем доказывать, что рабочему классу гитлеровский режим ничего, кроме голода, жесточайшей эксплуатации и кровавой кабалы, дать не может.

Обострение экономического и финансового кризиса

Вместе с тем экономическо-финансовое положение Германии катастрофически ухудшается. Если возьмем промышленную продукцию в 1928 г. за 100, то в 1929 г. она была 101, в 1932 г.—только 57,4, т. е. уменьшение на 43,6%.

Все промышленные предприятия работали в январе 1933 г. с нагрузкой в 33,3%.

С июля 1931 г. по июль 1932 г. 1711 акционерных обществ с капиталом 17,2 млрд. марок из 10 тыс. обществ с капиталом 24,5 млрд. опубликовали свои отчеты. Эти отчеты показывают, что у них имеется дефицит за один год в 1 256 млн. марок. Остальные не опубликовали отчетов, так как у них очевидно положение еще хуже.

Промышленность, сельское хозяйство, городская недвижимость, отдельные провинциальные государственные и муниципалитеты в Германии имеют внутреннюю долгосрочную задолженность в размере 63,1 млрд. марок, краткосрочную задолженность—в 28,1 млрд., всего 91,2 млрд. марок.

Внешняя задолженность Германии, за исключением репараций, исчисляется в 15 млрд. марок.

Из года в год растет дефицит германского государственного бюджета. В 1932/33 г. этот дефицит достиг 1 808 млн. марок (вместе с непокрытым дефицитом прежних лет). Фактически кроме видимого дефицита имеется еще «невидимый» дефицит. Референт по финансовым вопросам рейхсрата Брехте исчисляет в статье в «Фоссише Цейтунг» этот «невидимый» дефицит в 2 млрд. марок.

Налогов от буржуазии поступает все меньше, и правительство будет усиливать и без того невыносимый налоговый нажим на трудящихся. Ограбление трудящихся во всех формах—такова политика фашизма. Эта политика не может проводиться в жизнь без дальнейшего усиления самого безудержного террора.

Но одним террором правительство не может долго держаться даже в отсталых аграрных странах, не говоря уже о Германии, где имеется 15-миллионный пролетариат, который имеет уже опыт пролетарской революции и испытанную в боях компартию.

Внешняя политика авантюр и катастроф

В области внешней политики мероприятия правительства по контингентированию ввоза вызвали отпор со стороны других стран, ввозивших германские товары.

Резко сократился германский экспорт, и до того сильно упавший за годы кризиса. Сильно сократился и импорт. Вот несколько цифр: в 1928 г. Германия вывозила товаров на 14 млрд. марок, в 1932 г. эта сумма упала до 5 739 млн. марок; Германия ввозила товаров в 1928 г. на 12,2 млрд., а теперь—только на 4 677 млн. марок. В декабре 1932 г. было ввезено товаров на 423 млн. марок и вывезено на 491 млн.,—активное сальдо в пользу Германии составляло таким образом 68 млн. В феврале 1933 г. было ввезено товаров на 347 млн., вывезено—на 374 млн. марок. За два месяца внешняя торговля уменьшилась на 193 млн. марок. Сальдо в пользу Германии в феврале составляло уже лишь 27 млн. марок, а платить Германия должна одним процентом по внешним долгам 100 млн. марок в месяц. Обыкновенное весеннее сезонное оживление не намного улучшило положение внешней торговли. В марте было экспортировано товаров на 426 млн., а ввезено—на 362 млн. марок,—сальдо в пользу Германии составляло 64 млн. марок. Апрель же принес опять

резкое сокращение внешней торговли: ввоз сократился до 321 млн. марок—меньше, чем в марте, на 41 млн. марок—11%, и вывоз—до 382 млн. марок—меньше, чем в марте, на 44 млн. марок—10%.

Своей агрессивностью во внешней политике, требованием права на вооружение и проводимым явочным порядком лихорадочным вооружением, демонстрацией готовности поставить своих соседей перед фактом «исправления» границ и т. д.—фашисты резко обострили отношение между Германией, с одной стороны, Францией, Чехо-Словакией, Румынией, Югославией и Польшей—с другой. Своими провокациями и неслыханным террором по отношению ко всем трудящимся, к интеллигенции, национальным меньшинствам, в особенности евреям, они вызвали вполне заслуженную ненависть во всем мире. Никогда рабочие всего мира, независимо от их политических взглядов, не выступали так единодушно и решительно, как против гитлеровского фашизма. Фашисты могут пойти на авантюру, они могут решиться, несмотря на протесты более сильных империалистских хищников, присоединить Австрию к Германии, но они вряд ли решатся сейчас пойти на войну, не говоря уже о том, что своими варварскими действиями они изолировали себя даже от тех, кто всегда был против версальского грабежа, кто стоял за равноправие Германии. Но, чтобы добиться «равноправия» в теперешних условиях, у фашистской Германии нет иного пути, кроме войны, а она принесла бы ей только катастрофу. В течение 10 лет фашисты обещали мелкой буржуазии возвращение к довоенной Германии, мощной и равноправной. Бессилие фашистов в области внешней политики внесет разложение в среду мелкой буржуазии, которая их так рьяно поддерживала до сих пор.

Драки в лагере фашистов

Крупные разногласия внутри правительственного блока между националистами и гитлеровцами—между «Стальным шлемом» и штурмовиками отражают расхождение интересов в лагере самой буржуазии. До перехода власти к Гитлеру национал-социалисты и националисты открыто и резко выступали друг против друга. Однако ввиду серьезности положения буржуазия настояла, чтобы эти обе партии «помирились», выработали единую программу и проводили ее в жизнь. И действительно, к моменту взятия власти обе партии как будто договорились. Но уже и тогда обе договаривающиеся

стороны намеревались обмануть и уничтожить друг друга. Уже 5 марта, в день выборов, национал-социалисты, окрыленные тем, что им удалась провокация с поджогом рейхстага и разгромом рабочих организаций, намеревались устранить националистов и взять всю власть только в свои руки. Но националисты, узнав о готовящемся против них ударе, вызвали из провинции свои отряды и в день выборов 25 тыс. человек «Стального шлема» маршировали по улицам Берлина. Это отсрочило вышибание националистов из состава правительства. По мере того как гитлеровское правительство переходило к осуществлению своей программы, разногласия между национал-социалистами и националистами стали обостряться. Открытый конфликт начался в Брауншвейге, где лидеры «Стального шлема» были арестованы. Было арестовано 1 200 человек, явившихся с просьбой принять их в «Стальной шлем». Среди этих 1 200 человек были социал-демократические рабочие, в особенности рабочие из организации «Республиканский флаг». На улице толпа избивала национал-социалистов, из толпы кричали: «Да здравствует Москва, долой Гитлера!». Такие столкновения были в Тюрингии. В ответ на это Геринг запретил в Берлине новым членам «Стального шлема» принимать присягу. Интересно отметить, что часть рабочих, очевидно под влиянием социал-демократии, выбирает «меньшее зло»: они входят в «Стальной шлем», который им кажется лучше, чем фашистские штурмовые отряды. Так думают главным образом члены социал-демократической организации «Республиканский флаг», которые по видимому рассчитывают, что им удастся использовать «легальные» возможности в «Стальном шлеме».

Какой бы характер ни носило «перемирие» между гитлеровцами и националистами, между штурмовиками и штальгельмовцами на той или иной стадии, оно не предупредит неизбежного усиления взаимной борьбы в лагере «победителей». Разногласия между разными группами капиталистов (работающих, с одной стороны, на экспорт, с другой—на внутренний рынок и т. д.), между ними и помещиками, между помещиками и банкирами и т. д., которые были временно отодвинуты на задний план угрозой пролетарской революции, возобновятся с новой силой, когда, с одной стороны, эта опасность хотя бы временно уменьшится, с другой—когда финансово-экономический кризис в Германии еще более обострится.

Подведем итоги. Гитлер пришел к власти на гребне растущего кризиса. Трудящимся его партия ничего дать не может. Наоборот, жесточайший нажим на них со стороны буржуа-

зии будет усилен фашистами. Шовинизм, который поднял на щит Гитлера, обернется против него, когда мелкобуржуазные массы убедятся, что фашисты их обманывали, обещав вернуть им довоенную Германию. Массы неизбежно покинут фашистов и выступят против них. Решающим в этом отношении явится рост радикализации рабочего класса и изменение соотношения сил между компартией и социал-демократией. Гитлеровская партия не сможет спасти германскую буржуазию. Наоборот, фашисты лишь ускорят ее гибель. Они ведут германскую буржуазию к катастрофе.

VI. СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ ПРИ ГИТЛЕРЕ

Почему фашисты бьют социал-фашистов?

Нетрудно понять, почему национал-социалисты, став у власти, бьют и социал-демократию, почему Гитлер не только закрыл социал-демократическую прессу, но нажимает и на профбюрократов. Ведь наци в течение десяти лет выступали против социал-демократической партии за то, что та стала во главе революции 1918—1919 гг., хотя бы с целью предать ее, и за то, что та, цепляясь за веймарскую коалицию, затруднила им более ранний приход к власти. Фашистам необходимы были для своих сторонников те 400 тыс. теплых местечек, которые занимали социал-демократы. Выкидывать социал-демократических чиновников и полицейских, которые так рьяно защищали столько лет буржуазию, было нелегким делом даже для фашистов; для этого необходимо было связать хотя бы на несколько дней социал-демократию с Ван-дер-Люббе, закрыть под шумок ее прессу,—авось она вздумает разоблачать фашистские провокации и зверства,—и заодно выгнать социал-демократов из государственных и коммунальных учреждений. Фашисты пользуются социал-демократами, чтобы через них проникнуть в рабочий класс, а это можно тем легче сделать, чем их крепче лупить. Фашисты знают, что чем грубее они будут нажимать на лидеров социал-демократической партии, тем быстрее и охотнее те пойдут навстречу фашистам. Фашисты не ошиблись в своих расчетах.

Фашистам нужны профсоюзы: овладев профсоюзами, им легче будет провести свою программу кровавого порабощения рабочих. Социал-демократические лидеры и профбюрократы стали на колени перед фашистами, помогли им наложить свою руку на профсоюзы. Профбюрократы перед фашистским переворотом перевели за границу рабочие гроши, собранные

в виде членских взносов. Фашисты предложили им вытребовать эти деньги обратно, намекая им, что в таком случае их оставят в профсоюзах. Профбюрократы, не спросив мнения рабочих, перевели деньги обратно. И вот теперь, когда деньги попали в руки фашистов, они выгнали своих реформистских лакеев.

Социал-демократическая партия Германии фактически уже вышла из II Интернационала. Бюро Амстердамского интернационала профсоюзов бежало из Берлина, где оно раньше находилось. Социал-демократические руководители профсоюзов выйдут и из Амстердамского интернационала, когда от них потребуют этого национал-социалисты. Вся социал-демократическая пресса противников пересмотра Версальского договора обрушилась сейчас на германскую социал-демократию, но лишь потому, что и социалисты Антанты, так же как и германские социал-демократы, поддерживают империалистскую политику своей буржуазии. Социал-демократия, как и в 1914—1918 гг., определенно делится на два враждебных лагеря—на сторонников ориентации Германии и сторонников Версальского договора.

Социал-демократическая и буржуазная печать Антанты делает вид, что не может понять, как это социал-демократическая партия, которая имела такие крепкие профсоюзы и другие массовые пролетарские организации, не только не оказала сопротивления Гитлеру, но так быстро пошла ему навстречу. Для нас, коммунистов, это не было неожиданностью. Мы говорили рабочим, что германская социал-демократия и в период ноябрьской революции 1918 г. и после нее, до прихода к власти Гитлера, была буржуазной партией. Она ею и осталась. Она помогала буржуазии во все трудные моменты ее жизни. Теперь, когда буржуазный блок создан вокруг фашистской партии, социал-демократия не может не быть там, где буржуазия, потому что она всегда проводила политику буржуазии.

Ликвидирована ли уже социал-демократия в Германии?

Пройдет ли даром социал-демократии и профбюрократам это новое предательство? Разумеется нет. Борьба внутри социал-демократии неизбежна, симптомы этой борьбы уже налицо. В Веддинг (рабочий район Берлина) социал-демократия после переворота имела еще 9 тыс. членов. В этом районе она имеет 150 групп, которые распределены по 12 подрайо-

нам. И вот молодые члены социал-демократической партии, ссылаясь на то, что организации надо уйти в подполье, переизбрали руководство, старых функционеров выкинули из руководства всех 12 подрайонов и из руководства в 63 группах. То же самое происходит и в Люхтенберге и в других районах, где социал-демократические низовые организации переизбирают руководство. Берлинский комитет социал-демократической партии запретил созывать партийные собрания и вести дискуссии под предлогом, что это дало бы повод фашистам распустить социал-демократическую партию. В действительности же социал-демократические вожди запретили дискуссии и собрания только потому, что боятся того колоссального недовольства, которое имеется в низовых организациях. Бывали случаи, когда социал-демократические организации связывались с коммунистическими организациями, с ячейками, информируясь таким образом о том, что делается в Берлине, а кое-где участвовали в издании коммунистами воззваний против фашизма. Низовые профорганизации под влиянием коммунистов местами начинают оказывать сопротивление фашизации. С каждым днем такие явления безусловно будут усиливаться.

По мере развития этого процесса все большее число социал-демократических рабочих, недовольных предательской политикой своего руководства, будет покидать ряды социал-демократии; часть их, поверив в «радикальные фразы» «левых» лицемеров, попытается создать новую социал-демократическую организацию, может быть и нелегальную. Действительно революционные рабочие перейдут от социал-демократии к компартии.

Но было бы большой ошибкой думать, что социал-демократия в Германии уже ликвидирована. Постепенно фашисты вернут ей обратно прессу, а затем разрешат продолжать демагогию, которую она вела до прихода Гитлера к власти. Сейчас фашистская диктатура еще слишком слаба, чтобы пойти на такой рискованный маневр без крайней необходимости, но не настолько слаба, чтобы не быть в состоянии удержаться без него. По мере развития событий создается положение, когда без «левого» прикрытия фашизму удержаться будет невозможно, и тогда они используют социал-демократию в качестве «левой» партии, чтобы воспрепятствовать переходу рабочих к коммунистам. Потребуется очень большая работа КПГ, чтобы убедить социал-демократических рабочих в том, что на социал-демократию падает вина за приход фашистов к власти в Германии. Тот, кто думает,

что объективные обстоятельства сами это сделают без систематической самоотверженной и смелой работы КПГ,—тот жестоко ошибается.

VII. РЕВОЛЮЦИОННАЯ БОРЬБА В ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ

Компартия за работой

Из руководства компартии Германии захвачен фашистами только один—т. Тельман.

Пострадал главным образом низовой актив, который непосредственно дискуссировал и боролся с фашистами и который фашисты лично знали. Отчасти пострадал и средний партийный актив.

Как ни серьезны эти потери, центральное и областное руководство компартии не дезорганизовано.

Связь между центром и областными и дальше с райкомами, а через них с уличными фабрично-заводскими ячейками в значительной степени уже восстановлена. Парторганизации, в особенности низовые, начали работать самостоятельно, проявляют активность в этой работе, в частности начали издавать листовки и газеты. Никогда еще не выходило столько листовок от низовых парторганизаций, как за последнее время, что вызывается конечно в первую очередь отсутствием газет. Листовки хотя технически изданы не совсем хорошо (не всегда в типографии), но читать их можно. Активность среди членов партии большая и широкая. Отход от партии неустойчивых членов, вопреки опасениям, весьма невелик. Наоборот, она притягивает к себе все революционные рабочие элементы из социал-демократической партии. Стал выходить ЦО КП Германии, «Роте Фане». Первый номер был распространен в количестве 300 тыс. экземпляров. Как известно, выходящая ежедневно легальная «Роте Фане» имела в среднем тираж только в 36 тыс. экземпляров (всего тираж коммунистических газет в Германии до запрещения составлял 180 тыс. экз.). Нужно добиться, чтобы нелегальная «Роте Фане» выходила периодически и действительно попала к рабочим.

Иностранные корреспонденты сообщают, что первый номер «Роте Фане» можно было достать без труда; местами газета даже открыто продавалась на улицах. В то время как социал-демократическая партия не имеет газеты и даже не пытается издавать нелегальной литературы, КП Германии системати-

чески говорит с рабочими в листовках и газетах, несмотря на то, что за одно распространение коммунистической литературы сажают на годы в тюрьмы и даже убивают на месте.

Кроме центрального органа «Роте Фане» стал выходить целый ряд других коммунистических газет: в Гамбурге— «Гамбургер Фольксцейтунг»; в промышленном районе Рура— «Рур Эхо»; в Бадене— «Роте Фане» для Бадена и Пфальца; в Вюртемберге— «Зюддейчше арбейтерцейтунг».

Кроме областных газет выходят газеты в отдельных районах, подрайонах и на предприятиях.

В 6-м районе Гамбурга были изданы за последнее время четыре газеты и четыре листовки.

В целом ряде районов округа Баден-Пфальц (Мангейм— Некарау, Райнау, Линденгоф, Вальдгоф и др.) были изданы местные газеты.

Подрайонный комитет Вандсбека выпустил уже три номера газеты со все возрастающим тиражем.

В Бранфельде газета выходит три раза в неделю. Ее тираж превышает на 300% тираж легальной прессы в этом подрайоне.

На бумажной фабрике в Фельдмюлле газета «Роте Фольксвахт» была восстановлена в качестве фабричной газеты. Тираж первого номера составил 300 экземпляров, второго— 500 и третьего— 1 тыс.

Эти примеры можно было бы значительно умножить.

Несмотря на то, что фашисты угрожали увольнением с предприятия каждому, кто не явится на первомайскую демонстрацию, и несмотря на организацию строжайшего контроля явившихся— рабочие крупных фабрик и заводов в массе своей не явились на «праздник труда».

Без систематической работы КПГ и РПО такое массовое противодействие рабочих фашистской демонстрации 1 мая было бы невозможно.

По имеющимся данным на крупных предприятиях Берлина максимум 25% рабочих участвовало в фашистских торжествах 1 мая.

Кроме пассивного сопротивления компартии Германии удалось организовать самостоятельные демонстрации в день 1 мая. Так в Берлине состоялись демонстрации под руководством коммунистов, причем три из них начались в назначенных фашистами сборных пунктах. Когда фашистские колонны ушли, двинулись и коммунисты с развернутыми знаменами, плакатами и с пением «Интернационала». В этих

трех демонстрациях принимало участие 13 тыс. рабочих.

Были серьезные столкновения. Значительная демонстрация состоялась также в Шпандау. Были организованы демонстрации 1 мая парторганизациями КП Германии во многих округах: Вассерканте (Гамбург), Галле-Мерзебург, Саксонии, Тюрингии, Бюртемберге, Нижнем Рейне и Руре. Под влиянием коммунистов рабочие на многих фабрично-заводских собраниях приняли резолюции о неучастии в фашистском празднике 1 мая.

Все это не может не поднять авторитет КП Германии в массах на очень большую высоту.

За последнее время нелегальная работа КПГ усилилась. Об этом говорят демонстрации,— правда, пока еще немногочисленные,— организуемые КПГ, учащенный выпуск газет, фабзавгазет, листовок, плакатов с лозунгами и т. д. Листовки снова распространяются по домам. На дворах появляются хоры, дружно выкрикивающие лозунги партии, в заключение исполняющие «Интернационал». Происходят выступления коммунистических ораторов по разнообразным поводам.

Коммунистическая пропаганда начинает уже приобретать более конкретный характер: на предприятиях пропаганда КП направлена на борьбу против снижения зарплаты, защиту тарифных договоров, защиту профсоюзов от фашистов, изгнание фашистских шпииков из фабзавкома. На базарных площадях ведется агитация среди домохозяек. Она направлена против взвинчивания цен на продовольствие. В домах ведется агитация против политики фашистских домовладельцев и т. д.

ЦК КПГ, помимо устного инструктажа и контроля выполнения решений, выпускает печатные материалы в форме информационных писем. В этих письмах даются общая оценка положения, конкретные директивы по подготовке и проведению стачек и демонстраций, делятся опытом, накапливаемым в процессе работы.

В своих указаниях ЦК конкретно ставит вопросы: о завоевании большинства рабочего класса, о проведении единого фронта, о партийной работе на предприятиях, о работе в профсоюзах, среди сельхозрабочих, крестьян и т. д.

ЦК комсомола Германии тоже развивает энергичную деятельность. В лагерях «добровольной» трудовой повинности ему удалось организовать целый ряд забастовок безработной молодежи.

Рост сопротивления фашистам

Германский пролетариат постепенно оправляется от фашистских ударов. Факты показывают, что сопротивление фашистам растет. Для иллюстрации приведу некоторые из них.

В Кобленце в результате обысков было арестовано несколько сот рабочих. С целью протеста против этих арестов рабочие прекратили работу на многих предприятиях и вместе с женами и детьми демонстрировали перед зданием тюрьмы, требуя немедленного освобождения арестованных. Демонстранты в течение продолжительного времени оказывали упорное сопротивление вспомогательной фашистской полиции, которая в конце концов вынуждена была освободить большую часть арестованных.

В Плауэне после захвата фашистами дома профсоюзов рабочие объявили забастовку и совместно с безработными штурмовали здание профсоюзов и выгнали оттуда фашистов.

В Берлине на заводе АЭГ (всеобщей электрической компании) в Генингсдорфе были распределены около 3 тыс. коммунистических листовок. На завод явилось 70 национал-социалистических штурмовиков и 80 полицейских с целью арестовать распространявших листовки рабочих. Фабзавком потребовал от заводоуправления немедленного удаления национал-социалистических штурмовиков и полиции; рабочие заявили, что если в течение 10 минут это требование не будет выполнено, они прекратят работу. Сплоченное выступление нескольких тысяч рабочих заставило заводоуправление убрать полицейских и штурмовиков. На этом же заводе штурмовики старались распространять свои листовки, но рабочие отказались принимать их. Когда штурмовики стали угрожать револьверами, отряд рабочей самообороны прогнал их, а затем и три отряда, явившихся на подкрепление штурмовикам. Тогда полиция арестовала несколько членов завкома. Делегация, состоявшая из коммунистов, социал-демократов и беспартийных рабочих, отправилась в полицию и потребовала освобождения арестованных. На отказ полиции удовлетворить это требование рабочие ответили прекращением работы и этим заставили освободить членов фабзавкома.

В ночь на 19 марта из развевавшегося над захваченным фашистами зданием компартии (дом имени Карла Либкнехта) фашистского знамени был вырезан фашистский знак, и опять появилось красное знамя на этом доме.

В Мерфельдене около Франкфурта, где коммунисты имеют большинство в муниципалитете, произошла перестрелка ме-

жду рабочим населением и прибывшими отрядами фашистских штурмовиков.

В Альтоне около Гамбурга были распространены прокламации ЦК партии. Национал-социалисты открыли огонь по тем, кто распространял прокламации. Коммунисты отвечали на выстрелы. Фашисты оказались втянутыми в рабочий район, где все население вышло на помощь коммунистам и прогнало полицию и вспомогательную полицию. Получилось форменное сражение.

На заводе «Осрам», несмотря на запрещение фашистов выставлять оппозиционный список, профопозиция все же выставила свой список, который получил 768 голосов и пять мандатов, причём реформисты получили 875 голосов, а фашисты 336 голосов. Чтобы оценить этот исход выборов, надо принять во внимание свирепствующий на заводе террор. Все рабочие, выставленные по списку профопозиции, арестованы.

В Дрездене на папиросной фабрике Енидзе был принят в качестве мастера национал-социалист. Работницы бросили работу. После двухчасовой забастовки национал-социалистический мастер покинул фабрику. Вообще в Дрездене и во всей Саксонии имел место ряд выступлений против национал-социалистов и крупных столкновений с ними, которые в печать не попали.

В Штутгарте, по сообщению голландской коммунистической печати, национал-социалисты при поддержке Общества трамвайного движения устроили общее собрание трамвайных рабочих. Несмотря на всю предварительную агитацию, на собрание явилось только 500 человек, причём речи национал-социалистов не встретили сочувствия. Выступивший на собрании рабочий предложил принять резолюцию о немедленном освобождении всех политзаключенных, мотивируя свое предложение тем, что арестованные гитлеровцами революционные члены фабзавкомов всегда защищали интересы рабочих. С целью не допустить голосования этой резолюции докладчик обещал, «что будет произведено расследование относительно арестованных членов завкома». Однако под давлением собравшихся резолюция была поставлена на голосование и единогласно принята.

На резиновом заводе в Берлине провели краткосрочную стачку протеста с требованием освобождения т. Тельмана. В выпущенном обращении рабочие призывают другие предприятия последовать их примеру.

Персонал одного берлинского маргаринового треста избрал

делегацию, которая обратилась к полицейскому-президиуму с требованием об освобождении арестованных рабочих.

В Гамбурге недавно во время демонстрации рабочих начальник полицейского отряда национал-социалист приказал открыть огонь по демонстрантам. Однако полицейские стали стрелять не в толпу, а в воздух, на что последовала угроза со стороны начальника полиции стрелять в полицейских. Это свидетельствует о наличии недовольства в среде самих полицейских. С момента выборов в Гамбурге арестовали до 80 полицейских.

С 25 марта по 10 апреля зарегистрировано 100 стачек, причем большинство их окончилось успехом. Стачки эти были против снижения зарплаты, против отмены колдоговоров, против репрессий, против внедрения на предприятиях наци и т. д. Стачки эти руководились компартией и профопозицией.

Стачки эти еще малочисленны по объему и краткосрочны, но они тревожат фашистов, потому что вспыхивают во всех почти частях страны. Вот некоторые конкретные примеры:

В Гамбурге на фанерном заводе была объявлена стачка 1 500 рабочих в знак протеста против поведения члена завкома—фашиста, угрожавшего револьвером.

На маслозаводе в Гамбурге забастовали 600 рабочих против ареста революционного члена завкома. Она окончилась успехом.

В ремонтных мастерских в Панкове 1 300 рабочих прогнали фашистский отряд.

В Киле на верфях «Германия» в связи с арестом красного завкома забастовали рабочие и добились освобождения арестованных.

В Золингене забастовали 4 предприятия против фашистского террора.

В Рейншейде на трех предприятиях рабочие бастовали против ареста членов фабзавкомов, за освобождение т. Тельмана.

Такие же забастовки были на некоторых предприятиях Вуперталья и Гэфельсберга, в Дюссельдорфе, на крупном предприятии «Феникс», и во многих других местах.

5 мая забастовал аккумуляторный завод Хаген в Вестфалии против предполагавшегося снижения зарплаты.

Стачки в мае носят более агрессивный характер, чем в апреле.

Крупнейшей стачкой в мае была стачка в берлинских газетных типографиях. 12 мая рабочие типографии Уль-

штейна, Моссе, концерна Шерля и нескольких других типографий забастовали в знак протеста против массовых репрессий, ухудшения условий труда, контроля со стороны фашистских комиссаров и за восстановление уволенных. Рабочие предъявили следующие требования: 1) снижение окладов дирекции; 2) отказ от проведенного в прошлом году 10-процентного снижения зарплаты и 3) увольнение высших администраторов, состоящих членами национал-социалистической партии и отличившихся своим наглым поведением в отношении рабочих.

Чтобы замаскировать истинный характер этой забастовки, фашистское руководство объявило, что стачка направлена против еврейских служащих газетных концернов, и потребовало увольнения евреев.

В результате этой забастовки были арестованы 50 известных в Берлине оппозиционных печатников.

Факты, когда рабочие дают отпор фашистам, несмотря на невероятный террор, множатся с каждым днем.

VIII. ЗАДАЧИ КОМПАРТИИ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ

Инициатива низовых организаций

Компартия Германии должна была перестроиться на нелегальное положение. Это она уже сделала. КП Германии должна развязать широкую инициативу местных парторганизаций,—она приступила к разрешению этой задачи. Раньше парторганизации обычно ждали, пока из центра прийдут листовки, пока руководство определит свое отношение к тем или другим событиям, пока получатся инструкции по всем вопросам и диспозиции для ораторов. Теперь ждать и откладывать уже невозможно. Центральное и областные руководства не могут так быстро и регулярно рассылать инструкции, диспозиции, листовки и т. д., особенно первое время, после того как партия была загнана в подполье, так как одно звено (средний и низовой активы) было временно почти парализовано, и связь с местными группами и ячейками оборвалась. Но именно в этой тяжелой обстановке ячейки (уличные и производственные) показали, что они сами могут развить прекрасную инициативу. Эту инициативу надо только приветствовать, ее нужно всячески развивать и улучшать. Это даст КП Германии возможность активизировать всю партию. Это особенно нужно сейчас, когда вопрос о массовой работе сама жизнь поставила в центре вни-

мания компартии. Надо расширить и укрепить позиции партии на предприятиях, вести работу среди членов профсоюзов, развить конкретную агитацию среди социал-демократических рабочих, усилить борьбу против фашистского террора, не упускать ни одной возможности для мобилизации масс для борьбы за каждодневные требования против политического и экономического наступления капитала,—и это в обстановке непрекращающегося зверского террора фашизма и открытого перехода на его сторону социал-демократии. Только при самоотверженной активности каждого члена партии на предприятии, в профсоюзе, на бирже труда и т. д., только при быстром и правильном самостоятельном реагировании низовых партийных организаций на происходящие события могут быть успешно разрешены эти задачи.

Работа на предприятиях

Решение об усилении работы на предприятиях не должно оставаться только на бумаге, как это к сожалению было до сих пор. Почему нам не удавалось до сих пор провести решения, чтобы на каждом предприятии была хорошо работающая ячейка? На этот счет было много разного рода оговорок, вроде того, что это стоит многих жертв, что коммунист не может удержаться на заводе и т. д. Но эти «доводы» сейчас уже отпадают. Немецкие коммунисты доказали, что они не знают страха,—они идут на улицы, они открыто выставляют свои кандидатуры при выборах фабрично-заводских комитетов, несмотря на фашистский террор и т. д. В 1923 г. КПГ потерпела поражение между прочим и потому, что она имела слабые связи с рабочими массами на предприятиях и потому не знала настроений масс. К сожалению компартия и теперь хотя и пошла по работе на предприятиях вперед, но не намного. Если бы половина или даже только одна треть того героизма, который коммунисты Германии обнаружили в уличной борьбе против фашистов, была бы направлена также и на работу в профсоюзах, на работу на предприятиях, то КПГ имела бы уже за собой большинство рабочего класса. Между тем сейчас в условиях фашистской диктатуры коммунисты совершенно не могут сохранить связь с широкими массами, не перенеся центр тяжести работы на предприятия. Фашисты уже направляют на предприятия своих лучших агитаторов и организаторов, чтобы создать там свои организации. В обстановке растущего кризиса и усиливающейся безработицы часть рабочих входит в заводские орга-

низации национал-социалистов, надеясь таким образом удержаться на предприятиях. Если коммунисты теперь не поспешат наверстать потерянное в работе на предприятиях, если они не будут подавлять в зародыше влияние фашистов, если коммунисты не будут толком, вразумительно и популярно объяснять рабочим, почему они не должны входить в национал-социалистические фабзаворганизации, то фашисты могут временно при помощи террора и демагогии укрепиться на предприятиях.

Развивая широкую работу на предприятиях, компартия одновременно должна послать наиболее проверенных и вместе с тем еще неизвестных на данном предприятии товарищей в заводские национал-социалистические организации, с тем чтобы разложить их изнутри, чтобы разоблачать фашистов в собственных организациях. Если коммунисты не сделают величайших усилий, чтобы добиться этого, они упустят чрезвычайно важный момент. Работа на предприятиях получает теперь еще большее значение, чем раньше, и все усилия коммунистов должны быть сосредоточены на разрешении этой задачи. Всеми средствами они должны стремиться проникнуть и укрепиться на предприятиях, приспособляя в частности и уличные ячейки к этой основной цели. Двойной опыт—1923 и 1932 гг.—должен убедить германских коммунистов, что, не укрепившись на предприятиях, они не выполняют главной задачи, необходимой для организации сил, в целях свержения фашизма и проведения победоносной пролетарской революции.

Профсоюзная тактика КПГ в новых условиях

Сказанное выше относится также к работе в профсоюзах. Теперь каждый член КПГ увидит, какой вред принесло рабочему классу то, что они оставили реформистские профсоюзы в руках профбюрократов. Коммунисты должны бороться внутри низовых профорганизаций против их фашизации. Но это не значит, что коммунисты могут зарекаться от того, что не перейдут к организации нелегальных профсоюзов. Решение этого вопроса зависит от конкретной обстановки. События идут в Германии так стремительно, положение профсоюзов настолько быстро меняется, что коммунистам нужно иметь гибкую тактику и применять ее в зависимости от меняющихся условий. Если Гитлеру удастся полностью фашизировать профсоюзы так, как это сделал Муссолини в Италии, т. е. если каждый рабочий обязан

будет входить в фашистский профсоюз и «членский взнос» будет автоматически удерживаться с него предпринимателем при выдаче зарплаты, то коммунисты должны будут остаться и вести работу в этих профсоюзах, куда будут загнаны все рабочие. Безусловно германские коммунисты будут в этих профсоюзах работать лучше, чем это делали итальянские товарищи. Коминтерн и Профинтерн в течение пяти лет не могли убедить итальянских товарищей в необходимости работать в фашистских профсоюзах. Когда же они наконец стали работать, то опыт показал, что возможно добиться некоторых успехов.

Но возможно и такое положение в Германии, когда либо фашистам, захватившим профсоюзы, не удастся навязать рабочим обязательного вступления в их профсоюзы и автоматического удержания членских взносов при выдаче зарплаты, либо низовые профсоюзные организации не окажут достаточного сопротивления фашизации, так что и они будут отданы под контроль гитлеровских комиссаров. И в том и в другом случае возможно, что при учете остальных условий и в зависимости от соотношения сил мы скажем широким массам рабочих: уходите из фашистских профсоюзов, организуйте свои собственные нелегальные профсоюзы. Но до того, как коммунисты решатся перейти к этой тактике, они должны мобилизовать возможно более широкие слои рабочих для борьбы против фашизации профсоюзов. В этом главная задача нашей профсоюзной работы на сегодня.

Но в случае организации нелегальных профсоюзов коммунисты будут работать и среди тех рабочих, которые останутся в фашистских профсоюзах, и не будут забирать отсюда все революционные элементы. Но одновременно мы сможем ставить себе задачу организовать широкие рабочие массы в нелегальные профсоюзы. Такая возможность не исключается в будущем.

Если бы первый опыт показал, что наши нелегальные профсоюзы способны вести стачки, устраивать кассы взаимопомощи во время стачек, проявлять боевую активность, вести за собой массы, так разве мы не пойдем на то, чтобы расширить их? Конечно пойдем. Германия 1933 г.—это не Италия 1922 г. Итальянские фашисты пришли к власти в начале относительной стабилизации, и в первые годы своей диктатуры они в отдельных случаях даже могли с демагогическими целями оказывать помощь рабочим в их борьбе с предпринимателями. Иное положение сейчас в Германии. Германский фашизм пришел к власти именно потому,

что буржуазия не видит для себя иного выхода из кризиса, как дальнейшее все более беспощадное наступление на жизненный уровень рабочих. Это значит, что борьба рабочих в Германии против фашистов не может не обостряться. При этих условиях не исключено, что у КП Германии явится возможность строить нелегальные и полуполигальные профсоюзы, которые будут бороться за интересы рабочих в противовес фашистским профсоюзам, тем более что последним даже не удастся скрыть, что они являются аппаратом предпринимателей. Это не значит, что мы должны сейчас же перейти к созданию нелегальных профсоюзов или к выставлению лозунга: «Выходите из фашистских профсоюзов». Мы должны все эти возможности взвешивать, а нашу тактику устанавливать в зависимости от дальнейшего развития событий.

Коммунисты и члены РПО должны принимать все меры, чтобы фашистам не удалось фашизировать низовые профсоюзные организации. В тех низовых организациях, где будут назначены комиссары, коммунисты и члены РПО должны предлагать членам низовых профорганизаций выбирать свое руководство, которое должно работать легально, полуполигально и даже нелегально, если будет нужно. Члены профсоюзов должны будут платить членские взносы именно своим антифашистским правлениям, а не фашистским комиссарам.

Разоблачение фашистов

Чрезвычайно важно, чтобы коммунисты безотлагательно развили энергичную устную и письменную агитацию по разоблачению фашистов. Фашисты прибегают к всевозможным провокациям и интригам с целью внести разложение и смятение в ряды компартии. Так они сообщают, что Коминтерн снял т. Тельмана и назначил на его место т. Неймана. Фашисты знают, что т. Нейман был в свое время удален с германской работы, потому что в партии обнаружилась фракционная борьба, и своим лживым сообщением фашисты рассчитывают вызвать эту борьбу в рядах КПГ.

Мобилизуя все революционные силы, компартия должна расширить свое влияние на все слои трудящихся и проникнуть в массы крестьянства и мелкой буржуазии. В качестве опорных пунктов в деревне она должна строить крестьянские комитеты.

Необходима также умелая работа среди штурмовиков, между которыми имеется хотя и небольшое число честных рабочих, обманутых национал-социалистической демагогией.

Национал-социалисты сумели направить их не против капитала вообще, даже не против еврейского капитала, а против еврейской мелкой буржуазии—служащих, врачей, адвокатов, техников и т. д., выдавая погромную травлю еврейской мелкой буржуазии за борьбу против буржуазии. Коммунисты могут и должны отвоевать этих рабочих у фашистов.

Коммунисты должны усилить работу в рейхсвере, где безусловно возникнет недовольство против фашистского правительства.

Условия работы в Германии уже изменяются, а в дальнейшем будут еще быстрее меняться к лучшему. Та самая взбесившаяся мелкая буржуазия, которая теперь выдает коммунистов штурмовикам, скоро убедится, что она была обманута, повернется к нам, будет давать нам квартиры и оказывать другие услуги. Я не говорю уже о рабочих, которых каждый день фашистская диктатура убеждает в том, что мы были правы в нашей политической оценке положения, в нашей тактике, в нашей организационной работе. События каждого дня показывают и покажут рабочим, что компартия является единственной партией, которая действительно защищает интересы пролетариата и которая организует его для победы над буржуазией и для завоевания социализма. КП Германии доказала после переворота, что она сумеет организовать рабочий класс в борьбе за власть.

Организация победы

Из того, что лозунг вооруженного восстания как лозунг действия имел бы губительные последствия для пролетарского авангарда в марте 1933 г. и что он тем более исключается в настоящий момент, отнюдь не следует, что курс на подготовку вооруженного восстания должен быть нами отброшен. Это две совершенно различные вещи. При наличии назревания революционного кризиса в стране процесс революционизирования масс может пойти очень быстро. Вспомним июльские дни 1917 г. в России. Может быть большевики имели тогда большинство в Питере, но они не имели большинства во всей стране. В Москве в начале июля большевики не могли устроить демонстрации, а в августе они провели всеобщую стачку во время московского Государственного совещания вопреки постановлению пленума Московского совета, убеждавшего пролетариат не бастовать по призыву большевиков. А во время Октябрьского переворота громадное большинство пролетариата было на стороне боль-

шевигов. А ведь всего несколько месяцев отделяли октябрьское вооруженное восстание от июльских дней. Само собою разумеется, я не сравниваю июль 1917 г. (революционная ситуация) с апрелем 1933 г., когда еще не имеется в Германии революционной ситуации. Все же так может быть и в Германии, и по мере вызревания революционного кризиса широчайшие массы будут переходить к КП Германии.

Временное отступление рабочего класса, отрицать которое было бы самообманом, не означает однако краха процесса вызревания революционного кризиса. Рабочий класс Германии благодаря правильной тактике компартии не принял еще решительного боя с буржуазией. Его авангард—компартия—не разгромлен и не изолировал себя от масс. Компартия Германии жива, она вступила в борьбу в новых условиях, обнаруживая маневроспособность, самоотверженность, стойкость в этой борьбе. Влияние и авторитет компартии в рабочих массах растут при полном политическом и моральном распаде и вырождении в лагере социал-демократии. С другой стороны, в главе «Удержит ли гитлеровское правительство власть» было указано на те объективные факторы, которые делают неизбежной авантюристическую внутреннюю и внешнюю политику фашизма, приближающую его к катастрофе. Как зверь, получивший удар, хотя еще и не смертельный, германская буржуазия мечется в разные стороны пытается убежать от охотника, и попадает ему прямо в руки. Революционный кризис приблизит конец германского фашизма.

Завоевая на свою сторону большинство рабочего класса, сосредоточив свою работу в важнейших производствах и на крупнейших фабриках и заводах, добиваясь перелома в настроении мелкой буржуазии и отрыва ее от фашизма, стремясь использовать, наконец, разногласия среди самой буржуазии, коммунисты не скрывают, что они держат курс на вооруженное свержение фашистской диктатуры. По мере того как КП Германии освобождает большинство рабочих из-под влияния социал-демократии и поведет их на борьбу с фашистами, будет назрывать обстановка, когда вооруженное восстание из лозунга пропаганды будет превращаться в лозунг действия, когда партия перейдет к его непосредственному осуществлению.

Пролетарская революция в Германии неизбежна. КП Германии должна сделать все возможное, чтобы, завоевав на свою сторону большинство рабочего класса, организовать революцию, возглавить ее и довести до полной победы

СОДЕРЖАНИЕ	<i>стр.</i>
<i>От автора</i> _____	3
<i>I. Предварительные исторические замечания</i> _____	5
<i>II. Социал-демократическая партия проложила дорогу фашизму</i> _____	10
<i>III. Деятельность компартии Германии до ухода в подполье</i> _____	18
<i>IV. Была ли в Германии революционная ситуация в январе 1933 г.</i> _____	28
<i>V. Удержит ли гитлеровское правительство власть</i> _____	38
<i>VI. Социал-демократия при Гитлере</i> _____	48
<i>VII. Революционная борьба в фашистской Германии</i> _____	51
<i>VIII. Задачи компартии в новых условиях</i> _____	57

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б)
П А Р Т И З Д А Т

НОВЫЕ КНИГИ:

СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ XII ПЛЕНУМА ИККИ, т. I, 205 стр.,

ц. 4 руб., пер. 1 руб. Доклады: Куусинен, О международном положении и задачах секций коммунистического интернационала; ТЕЛЬМАН Э., Об уроках экономических стачек и борьбе безработных. Содоклады: ЛЕНСКИЙ, О забастовочном движении и борьбе безработных в Польше; ГОТВАЛЬД, О забастовочном движении и борьбе безработных в Чехо-Словакии. Прения по докладам.

СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ XII ПЛЕНУМА ИККИ, т. II, 263 стр.,

ц. 5 руб., пер. 1 руб. Прения по докладам тт. Куусинена и Тельмана.

СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ XII ПЛЕНУМА ИККИ, т. III, 179 стр.,

ц. 3 р. 50 к., пер. 1 руб. Доклады: ОКАНО, О дальневосточной войне и о задачах коммунистов в борьбе против империалистической войны и военной интервенции против СССР; МАНУИЛЬСКИЙ Д., О социалистическом строительстве СССР в связи с завершением первой пятилетки и намеченными основными положениями второй пятилетки. Выступления по докладам. Тезисы, резолюции и постановления XII пленума ИККИ.

ПЯТНИЦКИЙ О., МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС, РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДЪЕМ И ЗАДАЧИ СЕКЦИИ КОМИНТЕРНА, 93 стр., ц. 35 коп.

Экономический кризис, конец капиталистической стабилизации и опасность империалистических войн. Страна строящегося социализма и капиталистический мир, бьющийся в тисках кризиса. Революционный подъем рабочего крестьянского движения. Успехи компартий между XI и XII пленумами ИККИ. Отставание компартий от размаха революционного рабочего и крестьянского движения и их задачи. Последствие; Положение в Германии в связи с изменившейся обстановкой и новые задачи компартии Германии в области партстроительства и использования легальных возможностей в массовой работе.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ в магазины и отделения Партиздата и Книготоргового объединения Огиза